

Шарлотта
Тартен

Инна
Дворцова

Загадочная
ХОЗЯЙКА
Ноттингема

Инна Владимировна Дворцова Шарлотта Тартен Загадочная хозяйка Ноттингема

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70098568

Инна Дворцова, Шарлотта Тартен. Загадочная хозяйка Ноттингема:

Аннотация

Не думала, что однажды каким-то непостижимым образом я окажусь на турнире лучников в Ноттингеме и даже выиграю золотую стрелу!

Здесь меня принимают за мужчину, и это даже весело до тех пор, пока я не оказываюсь меж двух огней. Точнее, мужчин – Гаем Гисборном и Робин Гудом, которые, кажется, подозревают, что я девушка.

И жизнь в этом мире перестает напоминать игру.

Ну что, Эмма, позади остались прожитые годы, но весь опыт со мной. Мы еще поиграем, мальчишки!

Содержание

Баллада первая о том, как я попала на турнир лучников	6
Баллада вторая, о том, как я выбиралась из Ноттингема	13
Баллада третья о том, как я встретила брата Тука	19
Баллада четвёртая о новой встрече с шерифом	26
Баллада пятая о том, как я встретилась с Робинсом Гудом	33
Баллада шестая о нашем состязании с Робинсом Гудом	40
Баллада седьмая о том, как решила моя судьба	46
Баллада восьмая о том, как я кормила Робин Гуда	51
Баллада девятая о том, как я получила не то, что хотела	57
Баллада десятая о том, как меня рассекретили	64
Баллада одиннадцатая о том, как меня ревновал Робин Гуд	71
Баллада двенадцатая о том, как я рассказала свой план	77
Баллада тринадцатая о том, как я произнесла пламенную речь	85
Баллада четырнадцатая о том, как я дождалась	91

решения Робина Гуда

Баллада пятнадцатая о том, как мы встретили
рыцаря Алана Э-Дейла

96

Конец ознакомительного фрагмента.

99

**Инна Дворцова,
Шарлотта Тартен
Загадочная хозяйка
Ноттингема**

16+

Баллада первая о том, как я попала на турнир лучников

– Миссис Эмма, вы должны нам помочь. Это показательный турнир по стрельбе из лука. Робин Гуд должен победить как в легенде, – организаторы турнира лучников ходили за мной по пятам, изрядно действуя на нервы.

Я второй раз в Великобритании. В первый раз была на Олимпиаде и ничего не видела, кроме олимпийской деревни.

Моя дочь Мэрион вышла замуж за англичанина и уже десять лет живёт в Лондоне, постоянно приглашая приехать к ней в гости. У меня уже двое внуков, которых до этого я видела только по скайпу.

В этот раз она соблазнила меня приглашением на праздник в честь Робин Гуда. Мы приехали из Лондона в Ноттингем железнодорожным экспрессом «Робин Гуд» специально на праздник.

И вот мы здесь, в Шервудском лесу под сенью знаменитого дуба. Меня переполняют эмоции. Об этом моменте я мечтала пятьдесят лет с того самого времени, когда впервые увидела советский фильм «Стрелы Робин Гуда» и влюбилась в героя.

С того времени пересмотрела все фильмы и сериалы о Ро-

бине Гуде, прочитала все книги. Выучила язык в тайной надежде когда-нибудь попасть на родину моего кумира.

– Это будет нечестно. Вы, наверное, не совсем понимаете, кто я, – пытаюсь отказаться от столь сомнительного приглашения. Нет чести выиграть у людей, которые и лук-то в руках никогда не держали.

– Напротив, мы прекрасно знаем, кто вы, миссис Тихомирова. Чемпионка мира по стрельбе из классического лука. Чемпионка Олимпийских игр, мы помним, как вы выступали в Лондоне. Кто, как не вы, сможет показать Робин Гуда во всей красе, – давит на меня один из организаторов праздника мистер Дэвис.

Ещё один привет из прошлого. Увлечение Робин Гудом переросло в страстное желание стрелять из лука, как и он я пришла в секцию стрельбы из лука. У меня теперь были свои турниры лучников, где я получала кубки и медали, а не золотую стрелу.

– Ну, хорошо, если это так важно для турнира, – сдаюсь я под натиском организатора, и счастливый мистер Дэвис утаскивает меня в специальный шатёр переодеваться. – Давно у нас не было настоящего турнира лучников с победой Робин Гуда.

Меня нарядили в костюм вольного стрелка из Шервудского леса: обтягивающие молочного цвета лосины, рубашка и мягкий велюровый камзол коричневого цвета, который не скрывал, а скорее подчёркивал, что я женщина. Поверх ко-

стюма накидывают пижонский зелёный атласный плащ с капюшоном.

Считается, что прозвище Робин заслужил именно потому, что носил плащ с капюшоном. Hood (англ.) – капюшон, а во все не «хороший», как мы привыкли думать.

Выбор одежды разочаровывает меня. На турнире лучников у Робин Гуда был красный плащ, как могли организаторы не знать об этом? У меня, участницы клуба реконструкторов эпохи Робин Гуда с более чем двадцатилетним стажем, в рюкзаке лежит женская и мужская одежда того времени и несколько важных для меня мелочей.

– Миссис Тейлор, – прочитала я на бейджике имя, женщины, занимавшейся костюмами, – у Робин Гуда был красный плащ на турнире лучников. Будьте добры, поменяйте, пожалуйста.

– У нас предусмотрена только такая одежда, – не глядя на меня, бормочет старуха. Ну и чёрт с тобой, ведьма!

Стильная до невозможности я стояла и ждала своей очереди для стрельбы из лука на турнире. Мишени были куплены в магазине, и меня это раздражало. Делаете стилизованный праздник, так будьте добры – выдерживайте дух эпохи. Мы же в Ноттингеме.

У нас в подмосковных лесах на турнирах, которых мы устраивали, и то больше достоверности, чем здесь, на родине Робин Гуда!

Ни один из стрелков, одетых в костюмы той эпохи, не сде-

лал точного выстрела. Кого, собственно, должен победить Робин Гуд в моём лице?

Даже обидно, словно я отнимаю конфетку у ребёнка.

Наступила моя очередь. Мне вручили старинный лук и стрелу, которые по легенде были у Робин Гуда на турнире. Я посмеялась про себя доверчивости людей, но раз так важно стрелять именно ими, взяла. Но и свои пожитки: рюкзак и лук со стрелами повесила на спину. Там слишком дорогие вещи, чтобы я могла просто так оставить их организаторам на хранение.

Натянула тетиву, прицелилась и выстрелила. Лук и стрела засветились сребристо-голубоватым светом. Мне в глаза, непонятно откуда, попал солнечный луч, и я зажмурилась.

Открыла глаза. Лучше бы я их не открывала.

Моя стрела, расколов в воздухе другую, впечаталась в середину мишени из плохо обработанного дерева. Я обалдела. Все же уже отстрелялись. Чья это стрела?

Я вздрогнула, с опаской оглянулась. Чёрт меня раздери! Это не тот Шервуд, где я должна быть сейчас!

На возвышении расположились богато одетые вельможи, которые искренне не понимают, откуда взялся ещё один стрелок? Кажется, моё фееричное появление из воздуха вызвало переполох в их стройных рядах.

Попала так попала! Это же турнир лучников, где должен выиграть Робин Гуд. А тут я такая красивая в одежде воль-

ных стрелков. Подобной глупости от своего заклятого врага не ожидает даже шериф.

– Стрелок, такой стрельбы я никогда не видел. Ты достоин золотой стрелы. Подойди и получи свой приз, – с пафосом произносит красивый черноволосый мужчина, кажется, шериф Ноттингемский.

Кажется, во мне никто не распознал разбойника. Я подошла к помосту, готовая сорваться с места в любой момент и задать стрелкача.

Принимаю золотую стрелу из рук шерифа, случайно соприкоснувшись ладонями. Меня словно током шибануло. Поднимаю глаза и встречаюсь с таким же удивлённым взглядом карих глаз. Зачётный мужик, как сказала бы моя дочь.

– Люди, да что это такое творится-то! – услышала я причитание из толпы. – Этот парень похож на разбойника из Шервудского леса, который ограбил меня третьего дня.

– Точно, он похож Робин Гуда из Шервудского леса! Он ограбил меня на прошлой неделе, – слышу я ещё один голос.

Нужно делать ноги, иначе меня сейчас этот красавчик засадит в каземат. Я сорвалась с места и побежала, стараясь затеряться в толпе.

Солдаты и рыцари ринулись за мной. Не зная местности и даже примерно не представляя, куда мне нужно бежать, я завияла словно заяц по узким улицам Ноттингема.

Дважды я чуть было не попала в руки стражников. Сердце колотилось, как ненормальное.

С трудом я оторвалась от погони и прислонилась спиной к каменной стене. Лёгкие наполнились сухим воздухом и мешают мне дышать. Бегунья из меня, прямо скажем, так себе. Сердце колотится где-то в горле. Непослушная рыжая прядка волос выбилась из-под капюшона. Я согнулась пополам, чтобы немного прийти в себя и продолжить искать выход из города.

Я ненадолго расслабилась, позволив себе не наблюдать за дорогой. Какую я допустила ошибку, понимаю только тогда, когда, выбив последний воздух из лёгких, меня прижали к стене сильные руки.

Открыла глаза и встретила немигающий взгляд темно-карих, почти чёрных глаз. Да ладно? Это же мой красавчик-шериф, как дура обрадовалась я. Неужели лично пустился вдогонку за ничем не примечательным лесным разбойником? Ох, не о том ты сейчас думаешь, Эмма, не о том.

Мой пленитель молчит, удивлённо разглядывая меня. Я не остаюсь в долгу. Когда мне вручали стрелу, я не успела его хорошенько рассмотреть.

Жгучий брюнет с длинными слегка вьющимися волосами до плеч. Гордый римский профиль. Чётко очерченные губы. Лицо могло бы показаться слащавым, если бы не холодный цепкий взгляд. Подтянутая фигура в лёгкой кольчуге и красном плаще. Руки мощные, делаю я вывод из того, как крепко он держит меня. Слегка качнувшись вперёд, он прижимается к моему телу слишком близко. Удивлённо распахивает свои

удивительные глаза. Проводит рукой по моей груди, чтобы убедиться, что тело его не обмануло.

Да, одежда, в которую меня нарядили на турнире, не скрывает ничего. Пока я была завёрнута в плащ, ни у кого не вызвала вопросов моя половая идентификация.

Эх, была не была! Я впилась в его губы жадным поцелуем.

Баллада вторая, о том, как я выбиралась из Ноттингема

Поцелуй – более действенный и приятный способ ошеломить мужчину, чем знаменитый удар между ног. Тем более что для такого удара мне не хватает роста. Для поцелуя я повисла на шерифе, склонив его голову ко мне.

Шериф не ожидал, что его поцелуют, но такие, как он, не теряются и берут, что предлагают. Он перехватывает инициативу, прижимая меня к себе так, что я чувствую каждый ремешок на его куртке.

Этот поцелуй – нечто чудесное. Так меня никто не целовал за все шестьдесят восемь лет жизни. Алчно, сминая сопротивление, проникая в меня, вызывая мягкость мозгов. Даже не думаю сопротивляться. Из охотницы я превратилась в добычу мужчины, который не знает слова «нет».

Господи Иисусе! Такие мужчины опасны во всех смыслах, если хочешь спокойной жизни, держись от таких властных красавцев подальше, Эмма.

Шериф подхватил меня и усадил к себе на бёдра, продолжая исследовать мой рот. Я забываю о том, с какой целью вообще поцеловала его.

– Шериф? – раздались удивлённые мужские голоса, и от неожиданности шериф ослабил на мгновение объятия, а я

ужом выскользнула из его объятий и рванула прочь.

* * *

Я долго плутаю по улочкам Ноттингема, стараясь не попасться на глаза солдатам шерифа, которые заглядывают в каждую щель, пытаюсь отыскать меня с удвоенной силой.

Подозреваю, что разъярённый шериф придал им ускорение. Хотелось бы послушать его объяснение с подчинёнными. Но у меня такое ощущение, что вряд ли он вообще стал что-то объяснять.

Даже не представляю, как он зол сейчас, не до конца понимая, что происходит. Он же понял, что я женщина, а окружающие? В весьма двусмысленной ситуации оказался шериф Ноттингемский из-за меня.

Кстати, о себе. Я, конечно, слежу за собой, но возраст даёт о себе знать, и вряд ли меня бы с такой страстью целовал молодой красавчик. Значит, что-то изменилось во мне. Но вот что? Ни зеркала, ни даже лужи поблизости я не обнаружила. Руки! Я смотрю на свои руки и вижу молодую кожу. Значит, я помолодела? Если так, то это огромный плюс в данной ситуации.

Как же я сразу не заметила, что у меня руки молодые? Честно говоря, было на кого смотреть и чем заняться.

Ах, если бы молодость знала, ах, если бы старость могла. У меня уникальный случай – я теперь в буквальном смысле

ле старушка-молодушка. Опыт в молодом теле – это же моя мечта. Эх, развернусь я тут!

Пока я размышляла, бежала, не замечая дороги, и, кажется, заблудилась. Да даже если бы и замечала дорогу, назад хода нет. Надо подаваться к городским воротам.

Вот где тут выход из города? Мне надо побыстрее убраться отсюда. Я стояла посреди улицы и оглядывалась по сторонам.

Жаль, что я не маленький ребёнок, который должен стоять на месте, где потерялся, и родители обязательно его найдут. Со мной такой номер не прокатит: я неизвестно где и неизвестно, как сюда попала. Я даже назад не могу вернуться, потому что с перепугу не запоминала дорогу.

Кажется, кто-то говорил, что если идти всё время прямо, то придёшь куда-нибудь. Здесь я даже прямо идти не могу, улочки петляют, словно их цель заставить заблудиться как можно больше народа.

Что делать? Вот хоть плачь, хоть рыдай, хоть в истерике бейся. Никто не поможет. Я же разбойник.

Я рассматривала улицу, будто искала указатели. Ни души! Я думала, что улицы средневековых городов более оживлённые.

В конце улицы появилась симпатичная девчонка и поманила меня за собой. Я доверилась своей интуиции, которая самоотверженно молчала весь день, а именно сейчас подавала знак, что опасности нет. Следуя за своей проводницей и

оказываюсь в бедном домишке у городской стены.

Я осмотрелась. Всё, как я себе и представляла. Очаг, который сейчас не горит. Посреди комнаты небольшой деревянный стол, а под окном лавка. Шкафов нет, зато висят полки с посудой, преимущественно глиняной, и стоит большой деревянный сундук.

– Можно я присяду? – спросила я у девчонки, ноги меня уже не держали.

– Робин Гуд, я спрячу тебя до темноты, а потом покажу, как выйди из города, – девчонка не сводила с меня восторженного взгляда, а в голосе звучало натуральное ликование. Я внимательно присмотрелась к фанатке.

На вид ей лет пятнадцать-шестнадцать, русые волосы, стянутые в замысловатую косу, серые глаза с длинными тёмными ресницами. Платье из льна длиной до щиколоток с чёткой каймой того же цвета, что и платье. Руки прикрыты прямыми рукавами с небольшим расширением на конце и вышитой каймой.

– Но я не Робин Гуд, – я хочу быть честной со своей спасительницей и поклонницей.

В её удивлённо распахнутых глазах заплескалось разочарование. Мне стало жаль девочку. Она так старалась поближе познакомиться со знаменитым разбойником, а я всё испортила.

– Ты мне можешь доверять, – она чуть ли не плачет. – Я не выдам тебя солдатам шерифа.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Мэри, – застенчиво ответила она и щёчки её слегка покрасовели.

Получается, что я только что встретила с будущей подругой Робин Гуда? Или это он должен был встретиться с ней, а я и тут его обскакала? Идея пробираться в Шервудский лес уже не кажется такой привлекательной. Вряд ли знаменитый разбойник будет рад человеку, который украл у него все подвиги за этот день. А о них будут слагать легенды. Надо срочно исправлять ситуацию.

– Мэри, с чего ты взяла, что Робин Гуд именно я? – осторожно спросила я.

– Так ты же выиграл турнир. А всем известно, что Робин Гуд самый меткий стрелок в Англии.

– Сегодня Робин Гуд специально промахнулся. Не думаешь ли ты, что он так глуп, чтобы прийти на турнир в костюме вольного стрелка, чтобы люди шерифа его сразу сцапали?

Мэри во все глаза смотрела на меня и, кажется, не понимала, о чём я ей толкую.

– Я из его вольных стрелков. Зовут Том. Робин Гуд выбрал меня, чтобы я отвлек внимание солдат шерифа.

Она мне поверила или сделала вид, что поверила. Несмотря на недопонимание, я попробовала скудную еду, которой радуюсь, как ребёнок. Я с утра ничего не ела.

Мэри принесла мне серый плащ своего брата, который делает меня менее узнаваемой на улицах города. Я попроси-

ла у неё старые тряпки, якобы чтобы забинтовать рёбра, которые пострадали от встречи с солдатами шерифа. Она долго искала необходимое, но принесла мне то, что я просила.

Я забинтовала грудь, чтобы в следующий раз так глупо не попасться.

Поздно вечером она привела меня к лазейке в городской стене, и я наконец-то выбралась на волю.

Стараясь не привлекать к себе ненужного внимания, я пошагала по дороге прочь от Ноттингема. Мой путь лежал в Шервудский лес, знакомиться с Робинот Гудом. Уйти без приключений у меня не получилось. С городской стены дозорные заметили спешащего прочь от города путника и пустили мне вдогонку пару стрел. Что-то подсказывает мне, что шериф сумеет сложить дважды два и с утра отправит за мной погоню, а значит, нужно как можно дальше зайти в лес. А в идеале встретить разбойников, и пусть они разбираются с солдатами шерифа.

Баллада третья о том, как я встретила брата Тука

Я добралась до леса уже в темноте, свернула с дороги и устроилась на ночлег. Спать на земле неудобно. Я не привыкла к такому дискомфорту. Ворочаюсь на земле всю ночь, стараюсь устроиться поудобнее и лишь на рассвете забываюсь тревожным сном.

Мне снится мама, мой дом и детство. Именно мама привила мне любовь к Англии времён Робина Гуда. Точнее, именно к Робину Гуду. Фильмы о нём, песни тоже о нём. Из-за культа Робина в семье я и стала заниматься стрельбой из лука. А потом пришла в клуб реконструкции средневековья.

Когда была маленькой, даже мечтала встретиться с ним и победить на турнире лучников. Кажется, мои мечты сбываются таким извращённым образом. Хотя как ещё могут сбыться такие мечты? Только буквально!

Удар в живот и рычание выдернули меня из сна. Сквозь туман мало что видно. Я только разглядела, как огромная туша, рыча, поднимается на ноги.

– Мать моя женщина, медведь! – хотела крикнуть от страха во весь голос, но он куда-то пропал.

В немом ужасе с земли смотрела на эту махину. Медведь развернулся и пошёл на меня.

Я шарила руками по земле, ища палку. Наконец-то что-то попадает под руку. Блин, это камень. Я швырнула его в чудовище и промазала. Солнце не радостно проникло сквозь деревья и ни черта не осветило. Где же палка? Под руку ничего не попадалось, кроме травы и мелких веточек.

Вскочила на ноги и кинулась бежать. Зацепилась за корягу и шлёпнулась плашмя. Как же больно! А, махина всё ближе и ближе. Я попыталась ползти, раз не могу встать. Чудище же схватило меня за ногу и потянуло на себя. Я ляглась и орала как ненормальная. Сапогом несколько раз попала в цель и услышала какой-то хлюпающий звук, а за ним звук падающего тела.

Пора делать ноги, пока громила, кем бы он ни был, не очутился.

Но проклятое любопытство не дало уйти и подзуживало, чтобы я не трусила и посмотрела, кого это я так резво уделала. Видимо, чтобы было чем хвастаться потом перед вольными стрелками.

Тихонько подкралась к лежащей навзничь громадине.

Туман понемногу начал рассеиваться. И я увидела, что передо мной лицом в землю лежит человек необъятных размеров в рясе.

– Монах, а монах, ты жив? – я потрогала его рукой и отбежала.

А вдруг я случайно убила его? Чувство самосохранения вопит во всё горло, чтобы я удирала отсюда во все лопатки,

а совесть увещевает помочь человеку.

В ответ на мой вопрос ни звука. Я напряглась. Похоже, я действительно затянула себе петлю на шее. Убийство священнослужителя забронировало мне место на дыбе. Допрыгалась! Стоило попадать в это время и не увидеть Робина Гуда из-за случайного убийства?

Мне жаль монаха, но я не хотела, к тому же он первый напал на меня. Звучит как дешёвая отмазка. В Средние века тоже не дураки живут. Что же делать? Спрятать труп? Да я не выкопаю такую огромную яму, и лопаты у меня нет.

Погрузившись в проблему, как избавиться от трупа, я едва не пропустила стон. Я прислушалась. Сомнения нет – стонет труп. Я и от счастья застонала в унисон в ответ на следующие уже более смелые стоны.

Голова моей жертвы приподнялась. Глубокие голубые глаза попытались сфокусировать взгляд в одной точке, чтобы увидеть меня.

Для собственного успокоения повторяю вопрос:

– Монах, ты жив?

– Да-а-а, – сипит монах. Вид его, однако, не для рекламы счастливого обладателя выигрышного билета.

– Ну и чудненько! Слава Всевышнему, правда, монах? – я от души порадовалась за него.

– Да-а, – уже бодрее произнёс он.

– Ты откуда идёшь? – продолжила я расспросы.

– Из Бенедиктинского монастыря Святой Марии в Йор-

ке, – ощупывая своё не в меру грузное тело, рассеянно ответил монах.

– Далеко же тебя занесло, однако, – деланно удивилась я, ляпнув наудачу. Где находится Йорк и как далеко он от Ноттингема, я не знала.

– Как тебя зовут, сын мой? – поинтересовался у меня монах.

– Том, – я решила придерживаться первоначальной версии своего имени.

– Том и всё? – удивился монах. Мне так и хотелось сказать: «А что ещё?», но вспомнила, что нужно добавлять к имени местечко, где родился.

– Том из Шервуда, – не подумав брякнула я.

Глаза монаха округлились. Он пытался встать, но лишь громко приземлился на то же место. Я поспешила ему на помощь.

Стоило мне лишь подойти поближе, как этот неблагодарный схватил меня в свои медвежьи объятия и едва не задушил. Что за мода обниматься с первым встречным?

На этот раз я не попадусь, превентивные меры я предприняла ещё в домике Мэри. Грудь перебинтована не идеально, но я не собираюсь позволять всяким-разным шарить по моему телу.

– Я так рад встретить знаменитого разбойника, – заорал этот ненормальный.

– Какой я тебе разбойник? Ополоумел совсем? Или при-

ложился о землю знатно? – замахала я на него руками.

Монах застыл с видом оскорблённой невинности. Перебирает чётки и молчит, только губы шевелятся. Молитвы читает, наверно.

– Постой-ка, ты же монах Тук, – догадалась я. Если мне так везёт, что все сподвижники Робина Гуда попадаются мне первой, значит, монах и есть Тук. Решила я проверить свою теорию. – Пьяница и забияка, которого попёрли из монастыря.

Монах насупился:

– И ничего не попёрли, – значит, всё-таки это Тук. – Сплетни всё это. Сам я ушёл, когда поспорил с братом настоятелем, – обиделся он на меня.

– Ну-ка, интересно, о чём это ты с ним поспорил? – мне становится жутко любопытно, о чём могут поспорить монахи.

– Мы не сошлись во мнениях по поводу одного места из Священного Писания, – попытался увильнуть брат Тук.

– А ты наглец, брат Тук, иметь своё мнение, да ещё и противоположное мнению настоятеля – верх богохульства, – засмеялась я и припечатала, – еретик.

– Мне ещё разбойники проповеди не читали, – побагровел монах.

– Вот видишь, брат Тук, как много нового скрывает мир, если ты не боишься послать к чертям настоятеля и идти странствовать по дорогам старой доброй Англии, – настави-

тельно проговорила я. – Вижу, ты не страдаешь от недостатка пропитания.

– Бог милостив к своим слугам. Да и тебя, Робин Гуд, – монах пристально посмотрел на меня, – страдающим от недоедания сложно назвать.

– Твоя правда, я не голодаю. А вот с памятью у тебя беда, – возвращаю ему пронизывающий взгляд. – А может это моя вина, слишком сильно приложил тебе сапогом по лбу?

Монах покраснел от негодования, но в спор не полез. Всё-таки вынес урок из происшествия с братом настоятелем.

Меня начало раздражать, что каждый встречный называет меня Робин Гудом. Чем я заслужила подобную честь?

– Меня зовут Том из Шервуда, если ты забыл, монах, – сказала я с раздражением и состроила недовольную гримасу, чтобы подтвердить, что не шучу.

– Так Томом из Шервуда всегда называет себя Робин Гуд, когда не хочет, чтобы его узнали, – просветил меня брат Тук.

Опа! Вы крупно сели на мель, Сильвер! Вот тебе и десять лет в клубе реконструкторов эпохи Робин Гуда. Не знать такую важную информацию... Я, можно сказать, подтвердила, что я и есть настоящий разбойник. Всамделишный Робин Гуд меня с говном съест, если доживу до нашей встречи.

– Послушай, брат Тук, давай поедим, надеюсь, что у тебя есть, чем набить желудок? – миролюбиво предложила я пойти на мировую.

Второй день нормально не ела. Скучную трапезу у Мэри

нельзя назвать полноценным приёмом пищи.

Монаха же раздирали жадность и желание услужить знаменитому разбойнику. В неравной борьбе победила жадность. Почему я не удивлена?

– Сын мой, господь милостив и подаст нам на пропитание, – скопировав мой нравоучительный тон, сказал брат Тук.

– Если перевести с поповского на нормальный язык, завтрак обломился, – я разочарована, прямо скажем, не монашеским поведением Тука. Наверняка зажал еду.

– Я проходил мимо ручья, там можно попить воды на завтрак и помолиться, – монах молитвенно сложил руки.

– Не представляешь, как ты меня порадовал, брат Тук, – я легонько стукнула его ладонью по плечу. – Вода и молитвы – именно то, о чём я мечтаю уже вторые сутки.

Монах развёл руками, мол, твои проблемы. Естественно, мои, у него и так полный мешок еды. С голодухи мой нюх обострился, и я чувствую запах вяленого мяса. Можно было бы сварить отличную кашу, если бы не жадность монаха.

– Бог тебе судья, брат Тук, – монах спрятал глаза и, я не поверила своим глазам, покраснел. – Давай выбираться на дорогу. Кстати, а что ты делал в этой чаше?

Глазки монаха забегали, он ещё усерднее стал перебирать чётки и шевелить губами. Я уже и не рассчитывала на ответ, как он выдал новость:

– Удирал от солдат шерифа.

Баллада четвёртая о новой встрече с шерифом

Я испугалась до икоты. Вот это и называется попадос. Я же фехтовала на мечах только в клубе реконструкторов. Опыт десять лет, но там тоже был ненастоящий бой. А здесь настоящий. У меня и меча-то нет, только лук. А что, если меня убьют?

Только сейчас до меня дошла ужасная правда. Я оказалась в страшном месте со страшными людьми. Здесь жизнь человека ничего не стоит. А жизнь женщины тем более. Слава богу, и сейчас без ёрничества, что я попала сюда в мужском платье. Конечно, то, что меня все с маниакальным упорством принимают за Робина Гуда, очень плохо. Но гораздо хуже, если бы приняли за его подружку.

– Ну что ж, монах, – решительно сказала я брату Туку, не чувствуя в себе такой уверенности. – У нас с тобой два пути. Первый – лезть сквозь заросли и окончательно заблудиться. Второй – выйти на дорогу и встретиться с солдатами шерифа.

Монах сделал вид, что молится. Ему-то, может, ничего и не грозит. Слуга господ на особом счету и у бога, и на земле. А вот мне придётся несладко.

– У тебя хоть есть чем защищаться, божий человек? – по

легенде, у монаха должна быть дубина или меч. Вот сейчас и проверим, что в действительности он носил.

Брат Тук показал увесистую дубину. Я с тоской посмотрела на свой лук.

Я опять опередила Робин Гуда и встретила с братом Туком первой. Меня терзают смутные сомнения – а существует ли в реальности Робин Гуд? Что, если я выполняю его функции? Безрадостная перспектива, скажу честно.

– Брат Тук, а может, переждём, пока солдаты пройдут мимо на встречу с Робингом, а мы ударим в тыл? – я понадеялась, что такой вопрос не подмочит мне репутацию.

– Я знал, что светлая мысль всё же посетит твой затуманенный еретичеством разум, брат Том, – соглашается со мной монах.

Брат Том! Меня озарило!

– Послушай, брат Тук, а нет ли в твоём бездонном мешке лишней сутаны? – с надеждой спрашиваю я.

Монах посмотрел на меня как на полоумную:

– Я что, по-твоему, с собой весь гардероб таскаю?

– Ну, смена белья по-любому должна быть. Почему бы и сутану не прихватить? – заупрямилась я.

– Я начинаю сомневаться в твоём уме, вольный стрелок Том. На турнире по глупости ты занял бы первое место, – с издёвкой сказал он.

Я обиделась на монаха.

– Сам идиот, – огрызнулась я.

– Я знаю, – подтвердил мои слова монах, совсем не обиженный. – В монастыре меня научили читать и писать. В отличие от тебя, невежды.

Точно! Я мысленно хлопаю себя по лбу. Учебник истории за шестой класс. Идиоты – монахи, которые умели читать и писать. Остальное население, даже короли, были безграмотными. Я опять села в лужу. Поосторожнее нужно быть со словами.

Мы отправляемся к дороге. Я лезу на дерево, а Тук припался в кустах на обочине.

– Брат Тук, – позвала я его как можно тише с дерева, – брат Тук.

– Ну чего ты орёшь? – пробасил с набитым ртом монах.

Вот гадёныш, жрёт тайком. Нет, чтобы поделиться с товарищем. Голодный желудок поёт серенаду возмущённому разуму, а кишка кишке жалобные песни. Как с такой какофонией сидеть в засаде? Я сглотнула слюну, цыкнула на гордость и жалобно попросила монаха:

– Брат Тук, дай чего-нибудь поесть, пожалуйста, – я молитвенно сложила руки на груди и чуть было не упала с ветки.

Монах сжалился, протянув мне кусок хлеба. Я благодарно ему улыбнулась. Вонзила зубы в такой долгожданный завтрак. Ничего вкуснее не пробовала. Да, голод не тётка. Скоро начну дождевых червей есть и не морщиться.

Хлеб я проглотила мгновенно. А есть захотелось ещё

больше.

Чтобы заглушить мысли о еде, я стала раздумывать о том месте, где оказалась. Меня волновал вопрос несоответствия моих знаний об эпохе с тем, что я наблюдаю. Почему сэр Гай Гинсбор оказывается ещё и шерифом Ноттингемским? Я решила осторожно расспросить брата Тука.

– А, что брат Тук, король Ричард уже вернулся из Палестины? – начала я светскую беседу, растянувшись на ветке дерева и свесившись вниз головой.

– Я тебя что, слишком сильно приложил головой? – поднял на меня голову монах. – В Палестину воевать за гроб Господень отправился Джон Безземельный, брат Ричарда. А он сам, не в силах сдержать воинственный характер, с упоением воюет с соседями.

Переварить услышанную информацию я не успела, как услышала приближающийся стук копыт. На дороге показались солдаты шерифа с моим черноглазым соблазнителем во главе. Я захотела рассмотреть его получше. Вчера видела только его глаза. Вытянув голову, я поползла по ветке, не замечая ничего вокруг, кроме рыцаря во главе кавалькады. Ветка подо мной поломалась, и я по закону подлости полетела вниз.

Знатно приложилась о землю, вышибив дух из лёгких. Не знаю, сколько я так провалялась. Очнулась лежащей на земле. Больно-то как. Первое, что я увидела – чёрные глаза рыцаря, склонившегося надо мной.

– Опять ты, – с каким-то наслаждением произносит он.

– Опять я, – подтвердила я его опасения.

Сделала попытку встать, но ноги меня не удержали и я, пошатнувшись, упала в объятия шерифа. Такая тенденция начинает мне нравиться.

– Сэр Гай, мы ещё долго будем возиться с разбойником? – загоготали, словно стая гусей, солдаты.

Рыцарь оторвался от созерцания меня и посмотрел на говорившего. Одного взгляда сэра Гая было достаточно, чтобы солдаты уняли свою весёлость, а говоривший проглотил язык.

– Дик, ты вздумал давать мне советы? – в голосе Гинсбора было столько льда, что можно было заморозить Ноттингем вместе с Шервудским лесом.

– Простите, сэр рыцарь, я забылся, – у Дика дрожит голос. Видимо, крут шериф Ноттингемский.

– Если тебя сегодня не убьют разбойники, то по возвращении в Ноттингем получишь двадцать ударов плетью, – ласково пообещал ему сэр Гай.

– Да, сэр, – Дик был не рад, что полез со своими советами.

– Вяжите этого, – рыцарь кивком показал на меня. – Нет, дайте верёвки, я сам.

– Ты меня опасаешься, сэр Гай? – прошептала я, добавив в голос немного игривости.

Рыцарь вздрогнул. Я чувствую, как он напрягается. Руки как бы невзначай прогулялись по моей груди и ничего не об-

наружили. У меня сейчас даже не нулевой размер. Сэр Гай удивлённо посмотрел на меня. Я невинно улыбнулась.

– Ты же вчера был девушкой, – тихо сказал он мне на ухо.

– Ты ошибся, рыцарь. Так бывает, если долго без женщины. Они тогда начинают тебе везде мерещиться, – насмеялась я над успевшим запасть мне в душу рыцарем. – Увы! Я мальчик.

– И давно? – с угрозой в голосе спросил он меня.

– С рождения, – я пожала плечами, насколько позволила верёвка.

– Я заберу тебя в замок и узнаю, кто ты, – пообещал мне рыцарь.

– Сэр Гай, мне кажется, или для тебя свет клином на мне сошёлся? – задала я ему провокационный вопрос. И как же мне хочется, чтобы его ответ был «да».

– Сошёлся или нет, это ты в замке узнаешь, – увильнул от ответа сэр Гай, тем самым оставив мне немного надежды.

– Звучит как обещание признания, – усмехнулась я. Руки начинают побаливать от верёвок.

– Договорись ты у меня, – опять пообещал непонятно что мой рыцарь.

– До чего договорюсь? – уточнила я, так как люблю точность. – Вечно ты не договариваешь, сэр Гай. Я должен сам выдумывать продолжение. А фантазия у меня богатая, додуматься могу до бог знает чего.

Едва рыцарь открыл рот, чтобы ответить мне, как раз-

дался свист. Со всех сторон на дорогу, словно горошины из стручка, высыпали люди с мечами.

– Робин Гуд! – раздался рёв со всех сторон.

– Никуда не уходи, – то ли в шутку, то ли всерьёз попросил рыцарь, выхватывая меч.

Ага! Щаз! Размечтался! Ты ещё за мной побегаешь, сэръ Гай!

Баллада пятая о том, как я встретила с Робинем Гудом

Н-да! В кино сцены битвы выглядят эффектнее. А здесь смешались в кучу кони, люди. Жужжат, словно пчёлы стрелы, только успевай уворачиваться. Солдаты шерифа и разбойники сошлись в ближнем бою.

Я пыталась отползти в сторону, но мой рыцарь постарался на славу. Руки затекли от верёвок и болят неимоверно, настолько туго он мне их стянул.

Валяясь на дороге, как мешок, я попыталась откатиться в сторону. Опять не получилось.

Да, что ж такое-то! Нужно срочно сматываться отсюда.

– Брат Том, – услышала я голос монаха у себя за спиной. – Замри и позволь развязать тебе руки.

Меня накрыло такой волной радости, что я была готова расцеловать Тука.

– Да не оскудеют милости божьи к тебе, брат Тук, – говорю с пафосом, подставляя руку, чтобы было удобно развязывать.

Я заметила, что тут вообще к пафосной речи испытывают какое-то благоговение. Поэтому без надобности я не употребляю витиеватых фраз.

Нашла глазами сэра Гая. Он рубится с каким-то типом.

Хорош чертяка! Да и его противник не отстаёт от него. Прямо выставочные экземпляры классных мужиков.

Я засмотрелась на проходящий бой. Мечи сверкают на солнце, стараясь ослепить противника. Что один, что второй – рубаки что надо. Мечи-бастарды так и летают в воздухе словно бабочки. Такие мечи самые тяжёлые и весят полтора килограмма. Что сэр Гай, что его противник держат мечи двумя руками. На них надеты кольчуги.

Получается, что в банде Робин Гуда есть аристократ. В эту эпоху под страхом смертной казни простолюдином нельзя было носить меч, ну а чтобы виртуозно владеть им, не могло быть и речи.

Кто же ты такой, незнакомец?

– Ну, чего расселся, поспешай, – поторопил меня брат Тук, – Закрой рот и побежали.

Ради того, чтобы посмотреть на убегающего монаха, я отвлекаюсь от боя на мечях. Да, у нас в клубе реконструкции всё было гораздо проще. Создаётся ощущение, что они рождены для битв. Я смотрела не на банальную драку, а на танец с мечами. Как же это красиво и смертельно опасно!

Брат Тук припустил в заросли у дороги. Я же не собиралась сбежать самостоятельно, зря, что ли, я добиралась в Шервудский лес, чтобы сбежать от разбойников?

– Брат Тук, не спеши, нам нужно сбежать с умом, – прокричала я ему вслед, но мои слова потонули в шуме сражения.

Пока я раздумывала, бежать ли мне за монахом, раздался зычный крик:

– Отходим!

Разбойники так же слаженно отступили, как до этого напали на отряд, унося за собой убитых и раненых. Я стояла и не знала, что мне делать. Я, чёрт побери, растерялась. В первый раз с того момента, как попала в этот мир.

Строгие рамки приличий, в которых я воспитывалась с детства, очень не вовремя пришли в голову.

Мою растерянность заметили разбойники и, подтолкнув в сторону леса, решили проблему в два счёта.

Мы спокойно шли по лесу, не опасаясь преследования. Резкая команда к отходу не дала мне возможности посмотреть, что стало с моим рыцарем. Очень надеюсь, что с сэром Гаем всё хорошо.

Вышли на знакомую мне поляну. Дуб, под которым правил Шервудским лесом Робин Гуд, гораздо меньше, чем сейчас. Я оглядываюсь и с удивлением обнаруживаю, что, в принципе, выйди я самостоятельно на эту поляну, то узнала бы её.

Вольные стрелки положили раненных на землю. Мне стало интересно, как их будут лечить. Я скромно остановилась так, чтобы было видно всю поляну. Никакой суеты, всё чётко, по – военному. Это послужило ещё одним доказательством, что Робин Гуд не из простых крестьян. Версия о его дворянском происхождении, на мой взгляд, теперь самая

правдоподобная.

Ещё одно доказательство, которое я отметила про себя, это сидящий по-турецки под дубом Робин Гуд.

Значит, он воевал за гроб Господень в Палестине, иначе откуда эта манера сидеть на земле? Как же интересно, но проводить наблюдение за лагерем мне помешали. Кто-то довольно тяжёлый сграбастал меня в объятия, прижимая спиной к своей груди и приподнимая так, что ноги болтаются в воздухе.

– Брат Том, как хорошо, что я тебя нашёл, – протрубил как иерихонская труба знакомый мне монах.

Работы в лагере прекратились, и все разбойники уставились на меня и монаха. Какой позор! Я предстаю перед взором своего кумира болтающейся на шее монаха, словно галстук. Мои щёки предательски покраснели.

– Эй, ты, парень, а, ну-ка иди сюда, – прокричал мне Робин, – и монаха тащи с собой, или пусть он тащит тебя, – обидно засмеялся разбойник и к нему присоединился весь лагерь.

– Отпусти меня, брат Тук, – зашипела я гадюкой, – и не вздумай ляпнуть, что принял меня за Робина Гуда. Он как раз сидит под дубом.

Монах отпустил меня, и я брякнулась на землю.

У меня подрагивали руки от предвкушения знакомства с моим кумиром.

Я не спеша, подошла к Робину. Разглядывая его испод-

тишка. Блондин, а я думала, что он брюнет. Хотя, если он сакс, то должен, по моему мнению, быть белокурый. Тогда как мой рыцарь сэр Гай – норманн, поэтому брюнет. Но я могла и напутать. Сейчас это не играет какой-либо роли.

Опять мои мысли возвращаются к Гисборну, будь он неладен. Я стою в двух шагах от своего кумира, а думаю о его заклятом враге.

Хотя, может быть, здесь всё по-другому. Уехал же принц Джон воевать в Палестину, почему же эти двое должны враждовать? Сражение – всего лишь часть жизни. На шерифа напали, он защищался.

– Ты кто такой, парень? – с интересом в голосе спросил он, уставившись на меня голубыми глазами. Запустив руку за кожаный колет, он почесал ключицу. Я как замороженная следила за его рукой. Робин расстегнул колет до пояса, и я увидела рубаху, которая была когда-то белого цвета.

Я загляделась на его мускулы его груди, широкие плечи, сильные руки. Хорош, чертяка! Сплошное искушение для женского сердца. Мне главное – не влюбиться.

– Ты меня слышишь, парень? О чём мечтаешь? – так и хотелось мне сказать «о тебе», но сдержалась. Ещё неправильно поймут.

Какое имя мне назвать? Не рассказывать же легенду о Томе из Шервуда перед королём Шервудского леса? Нужно срочно придумывать правдоподобную легенду.

– Меня зовут Том, – осторожно ответила я, размышляя,

как тут организовать стирку нижнего белья. Да и на педикюлёр проверить не мешает. У меня зачесалась голова только от мыслей о вшах.

– Так, так, так, – выстукивал какой-то неведомый мне ритм Робин, – Том, значит. И откуда ты родом, Том?

Самый опасный вопрос. Я, как назло, не помню названия графств того времени, где очутилась. Мысленно перекрестившись, отвечаю:

– Я из Кента.

– Далёко тебя занесло, парень.

– Я шёл к вам, хочу примкнуть к вашей... – я запнулась, не зная какое слово больше подходит к определению преступной организации: шайка? А может банда? – Хочу стать вольным стрелком.

Разбойники, подслушивающие наш разговор, обидно расхохотались. Я поджала губы. Ты посмотри, какие снобы.

– Не ржать, – еле-еле подавляя смех выдавливает из себя Робин. – Слишком мал ещё становиться вольным стрелком.

Жаль, что я не вижу себя со стороны. Не знаю, как выгляжу. Может, действительно, слишком юным, и Робин прав, отправляя меня домой.

– Мне, между прочим, двадцать лет, – соврала я, не моргнув глазом. Сколько мне лет теперь, никто не разберёт. Сколько скажу, столько и будет.

– До чего ты настойчивый. Люблю таких упрямых, – лукаво улыбается мой кумир и лицо его становится ещё краси-

вее. – Пройдёшь испытания, приму тебя в братство вольных стрелков.

Как же хорошо, что я не обозвала их шайкой. Они вон какие – братство. Но больше всего меня разозлило, что это так называемое братство вне закона, а кастинг в свою банду устраивают, словно роль в фильме дают.

– Идёт! Если я одержу победу над тобой в стрельбе из лука, то ты принимаешь меня в братство вольных стрелков, – Робин Гуд, ухмыляясь, кивнул. Наивный! Что ж он сам нарвался. – И делаешь меня своей правой рукой.

– Если победишь меня, сделаю хоть левой рукой, – засмеялся кумир моей жизни, даже не думая о поражении от юнца.

Мы достали луки, положили на тетиву стрелы и пригото-
вились стрелять.

– У тебя всего одна попытка, парень.

Баллада шестая о нашем состязании с Робинем Гудом

Проявление эмоций, это, конечно, неплохо, но вот влипла я, по самое не балуйся. Как среагирует Робин Гуд на мою победу, я не имею ни малейшего представления.

Я знаю о нём из легенд и кинофильмов. Причѐсанная биография, идеальный человек с единственным недостатком – не в ладах с законом. Но вот как поведѐт себя этот славный парень при проигрыше пацану – неизвестно. А то, что я выиграю спор, к бабке не ходи.

Вольные стрелки побросали свои дела и собрались возле нас. Ещё бы, такая развлекауха! Их вожак поучит уму-разуму зарвавшегося мальчишку. Я бы тоже так думала на их месте. Они же не знают, кто такой этот мальчишка. И даже о том, что это не мальчишка, а девчонка.

– Со скольких шагов стреляем? – спросила я Робина, натягивая тетиву на лук и надевая специальные лучные перчатки, которые хранились у меня в рюкзаке. Я ещё взяла с собой напальчник, но не стала его доставать пока, сделав выбор в пользу перчатки.

Перчатка необходима, чтобы пальцы не поранились о тетиву лука. Она закрывает лишь три пальца, указательный, средний и безымянный, которые обычно задействованы при

натяжении тетивы. Ещё она заметно облегчает соскальзывание тетивы с пальцев.

На напальчнике же есть специальное отверстие, в которое продевается средний палец, специальная выемка под пятку стрелы, а надевается он таким образом, чтобы гладкая поверхность приходилась между фалангами пальцев и тетивой.

Мне больше нравится работать перчаткой, мой своеобразный выпендрёж.

Ребята из ватаги Робин Гуда, и сам предводитель с интересом наблюдали за моими приготовлениями к соревнованиям. Именно так я и стала относиться к этой стрельбе. Только на соревнованиях на кону стояло золото, на меньшее я была не согласна, а здесь – моя жизнь в Средневековой Англии.

– Стреляем одновременно вон в то дерево, – показал Робин куда-то в сторону леса. Я напрягла своё ставшее идеальным зрение и не могла понять, на какое дерево он показывает.

– Не могли бы показать, какое именно дерево послужит мишенью? – всё-таки уточнила я, чтобы потом мне не сказали, что я стреляла не в ту мишень, а значит, проиграла.

– Джон, – подозвал Робин верзилу. Так это и есть знаменитый Маленький Джон? Слава богу, что хотя бы он познакомился с Робинотом Гудом до меня. – Покажи мальчишке мишень и отметь, куда попасть надо.

Я стала рядом с Робинотом. Ветра вроде бы нет. Во всяком случае, бокового ветра, который сильно влияет на точность

стрельбы. При хорошем боковом ветре лук, прицел, стабилизатор, да и сам стрелок, весьма успешно создают «эффект паруса». И стрельба в таких условиях иногда становится похожа на балансирование канатоходца.

Встречный или попутный ветер не дают стреле изменить траекторию полёта настолько сильно, чтобы это повлияло на результат.

Да, Робин не дурак, не будет же он сам себе создавать помехи при стрельбе.

Мы встали в исходную позицию. Я зафиксировала кисть руки, которая натягивает тетиву под челюстью. У наблюдавших за мной стрелков вытянулись лица.

У меня тоже вытянулось лицо, но не так заметно, как у ребят из вольного братства.

Робин Гуд удерживал стрелу средним и указательным пальцами, кисть руки, натягивающую тетиву, отвёл за ухо, стрела лежит на опорной руке со стороны четырёх пальцев. Одна из многих стоек для стрельбы из лука. Я с такой тоже умею стрелять, но моя мне ближе. Я привыкла так работать на соревнованиях. Удивило меня то, что я воочию увидела, как стреляют настоящие стрелки из лука. Никаких перчаток, напалечников.

На пальцах мозоли от постоянных упражнений с луком. Таким рукам любые приспособления только мешать будут.

Я-то гордилась своей перчаткой и думала, что удивление вызывает моя экипировка. А на самом деле я выглядела как

молокосос. Ну и плевать, мне мои ручки дороги такими, какие они есть сейчас – белыми и нежными, как у леди.

На поляну опустилась тишина.

Робин посмотрел на меня и приготовился спустить тетиву. Вокруг меня не осталось никого, только я, лук и стрела. Мы стали единым целым, я чувствую нетерпение тетивы, холодное спокойствие стрелы. Я отпускаю её в свободный полёт.

Наши стрелы летели рядом, примерно с одинаковой скоростью и вонзились в одну точку на мишени, раскрывшись буквой V.

– Ты кто? – ошеломлённо спросил меня Робин. – Ты стреляешь, как дьявол.

– Нет, это ты стреляешь, как дьявол, – расхохоталась я в ответ. Мне было трудно сдержать ликование, которое охватило меня.

Я победила. Победила самого Робина Гуда.

– Два дьявола в одном месте не многовато? – с усмешкой спрашивает меня Робин Гуд.

Я немного растерялась. Но только оттого, что план Б у меня не был готов.

План А: я вступаю в отряд и начинаю жизнь разбойника. О том, что я женщина, никому знать не обязательно. Что если он не примет меня в отряд? Чёрт, в банду! Что мне тогда делать? Куда идти?

Пока я шла на поляну, придумала план масштабирования

деятельности нашей шайки. Вывод её на уровень легенды ещё при жизни Робин Гуда.

– Ты дал слово, что если я выиграю у тебя, то ты оставишь меня в братстве вольных стрелков и сделаешь своим заместителем, – я беру себя в руки и начинаю отстаивать свои права.

– Ну, так ты не победил Том, – продолжает усмехаться Робин. – Я же сказал, выстрелить лучше меня. А ты выстрелил, как я.

Ему бы адвокатом у нас работать, озолотился бы. Я действительно не уточнила этот момент. Ну, что ж Робин, ты сам напросился на публичную порку.

Вытаскиваю сразу три стрелы и кладу их на тетиву. Со злости я так быстро выстрелила, что сама не поняла, как так получилось. Средняя стрела попала в середину наших стрел, а две остальные на одинаковом расстоянии сверху и снизу. Да, профессионализм не пропёшь!

Чувствую эйфорию оттого, что соревнуюсь с легендой. Разве я могла мечтать стоять рядом с Робинотом Гудом и любоваться его голубыми глазами, длинными ресницами, чётко очерченными губами? Во мне пробудилось озорство. Захотелось поцеловать его, чтобы уж наверняка возвести на пьедестал.

Пока я глазела на него. Робин достал три стрелы и выстрелил. Я поникла. Он перебил мои стрелы. Лихорадочный блеск глаз погас, плечи опустились. Только голову я не скло-

нила. Буду выслушивать приговор, глядя в глаза.

– Ты славно стреляешь, Том. Я впечатлён, – сдержанно говорит Робин Гуд. – Ты почти выиграл у меня.

– Но почти не считается, да? – разочарованно спрашиваю я.

Я могу выстрелить ещё раз, и я знаю, что расщеплю стрелы Робин Гуда. Вот только этого мне он точно не простит. Я показала, как умею стрелять. Он показал, что стреляет лучше. И так мы можем стрелять хоть до второго пришествия Христа. Но кто-то должен остановиться первым. Робин не сделает этого, чтобы не потерять авторитет среди своей братвы. Значит, должна остановиться я.

Так и слышу голос своей мамы: «Ну ты же девочка, Эмма, уступи. Не показывай мужчинам, что ты лучше них в чём-то, кроме женских занятий. Превосходство над собой мужчины не прощают».

И я снова уступаю.

– Робин, это же тот стрелок, который выиграл золотую стрелу, – подсказал Маленький Джон.

Вот спасибо тебе, парень. Только этого мне не хватает, объясняться почему я, а не он выиграл турнир.

Баллада седьмая о том, как решилась моя судьба

Вольные стрелки заинтересовано посмотрели на меня. Мне показалось, что фраза Маленького Джона произвела фурор среди местного бомонда.

Как представляю, что они видели турнир и потом обсуждали, кто это такой борзый, что не побоялся выйти в костюме вольного стрелка на турнире шерифа...

– Чего смотрите, на мне узоров нет, – огрызнулась я.

– Так как ты попал на турнир? – повторил свой вопрос Робин Гуд, а я опустила глаза. Нет, не от смущения, хотя, скорее всего, они так и подумали. Мне нужно прикинуть, что отвечать.

История здесь совсем не так складывается, как я изучала. Любое моё слово может стать провалом легенды. Нужна осторожность.

– Я маленький, и меня просто сначала не приняли всерьёз. Потом я сумел проскользнуть на поле для стрельбы. А дальше просто повезло, – выдала я официальную легенду, с которой буду жить в этом мире.

Робин переглянулся с Маленьким Джоном. Тот пожал плечами.

– Хорошо, ты останешься с нами, – говорит он таким то-

ном, словно я не заслужила это право в честной борьбе, а получаю из милости.

Всё равно я ликовала. Я победила. Я останусь с ними.

Я внешне кажусь младше Робина, да и любого другого члена шайки. Надо будет завоёвывать себе авторитет, особенно если стану заместителем главаря банды.

Отныне ты ступила на скользкий путь, Эмма. Стала членом преступного сообщества, средневекового ОПГ. Здесь вообще без вариантов. Попадусь – «дружеская беседа» мне обеспечена. Так называли виселицу на преступном средневековом жаргоне.

Спрашивать о своём повышении я пока не рискнула. И даже не стала лезть к Робину со своим бизнес-планом.

Будет день – будет пища. Кстати, о пище, где сейчас брат Тук?

Я начала вертеть головой в разные стороны и обнаружила монаха, поедающего свои нескромные запасы. Видимо, чтобы не делиться. Сразу видно, что придерживается всех христианских правил и заветов.

А главное, что кроме монахов в этой стране никто библию не читал. Она находилась под грифом «совершенно секретно», поэтому и возразить ему никто не сможет.

За моим взглядом проследил Робин Гуд.

– Кто это с тобой пришёл, Том? – допытывается он, – Ты случаем не из монастыря сбежал?

Мне надоело сдерживаться, и я решила пошутить:

– Ага, сбежал из женского монастыря и напрямиком в Шервудский лес, чтоб монашки не догнали, – поляну накрыл такой гогот, что болельщики на стадионах умерли бы от зависти. – А если и догонят, тут есть кому с ними разобраться. Правда, ребята?

Ребята не подкачали и стали делиться навыками общения с монашками и не только с ними. Общие шутки сближают, и я уже не просто Том, а товарищ по общему разговору.

– А это кто? – продолжает допытываться Робин, – Та монашка, которая тебя всё-таки догнала?

И снова приступ гомерического хохота. Я тоже посмеялась. Не надо отставать от коллектива.

В Средневековье ценились простые шутки как среди рыцарей, так и среди народа. Сарказм и ирония были не в чести. Как никогда была актуальна поговорка «Будь проще, и люди к тебе потянутся». Но, только, разумеется, среди своей социальной прослойки.

– Брат Тук, иди к нам, – позвала я своего напарника по приключениям. Монах спешно засунул кусок в рот и засеменил к нам.

– Брат Тук фигура довольно известная, – намекала я Робину, что его он точно должен знать. – И шёл он к тебе.

– Правильно делал. Мы любим проверять котомки монахов и помогать им поститься, – смеётся Робин.

Но, проверив котомку брата Тука, Робин разочарованно скривился. Монах сожрал всё, что у него было, что ли? Как

я заметила, котомка была довольно большая. Не мог же он столько съесть, ему же плохо будет.

– Брат Тук виртуозно владеет дубиной, Робин, – продолжала я свою предвыборную агитацию.

– Кого ещё ты притащил мне, Том? – у Робина заканчивается терпение. – Я должен, по – твоему, всех подряд принимать в своё братство?

Я поняла, что вместо брата Тука, которого должен был взять Робин в свою ватагу головорезов, он взял меня. И я как бы виновата, что карьера монаха не складывается. Он не войдёт в историю.

– Я не настаиваю. Дело твоё, Робин. Но ты отказываешься от ценного приобретения, – сделала последнюю попытку убедить его. – Большой, сильный...

– Толстый, прожорливый и жадный, – закончил за меня разбойник. – Разговор окончен, Том. Выбирай: остаёшься с нами или убираешься вместе с монахом подальше от Шервудского леса.

– Прости, брат Тук, но мы с тобой слишком мало знакомы, чтобы я выбрал тебя.

Чувство вины подняло голову и начало давить на совесть. Я обратилась к здравому смыслу. Если здесь всё идёт не так, как в нашем мире, значит, и монаха в банде быть не должно.

Не успела я договориться с совестью, как над поляной раздался свист, и разбойники начали организованно выступать к дороге. Я заметила, что ушли не все, а определённая часть.

Я сделала вывод, что отряд поделён на группы и они, по всей видимости, по очереди несут дежурство у дороги.

Я опять стала оглядываться. Может, здесь есть где приготовить пищу. Мне хочется не просто есть, а жрать. Желудок подвело от голода. Я без еды вторые сутки.

– У вас еда есть? – краснея спросила я. – Второй день без еды.

Робин осматривает меня с ног до головы и выдаёт:

– Вот ты нам сейчас и приготовишь, – и, наклонив голову набок, посмотрел, сдамся я или нет.

Я, собственно говоря, не против, но только из чего готовить. Путь к сердцу мужчин лежит через желудок. А мне предстоит завоевать сердца, по крайней мере, полсотни человек. Никогда не готовила на такую ораву.

– Приготовлю, только мне помощники нужны, – храбро бросилась грудью на баррикады. – И продукты. Из чего готовить будем?

– Маленький Джон, покажи моей правой руке, из чего ему готовить, – закричал Робин через всю поляну. И добавил уже мне, – сваришь только для нас. Я проверю твоё умение и только потом доверю готовить для всех.

Я мысленно зааплодировала Робину. Разумный подход. Чтобы продукты не перевёл, устроить маленькое испытание. И не боится есть стряпню незнакомого человека. Я костями лягу, но удивлю его.

Баллада восьмая о том, как я кормила Робин Гуда

Накормить Робин Гуда и при этом его ещё удивить и заинтересовать – задача не из лёгких. Я шла вслед за Маленьким Джоном и размышляла.

О том, как хранили продукты в Средневековье, я имею смутное представление. Знала бы заранее, подтянула бы матчасть. Но, что имеем, то имеем и будем пользоваться своими весьма скудными познаниями.

Интересно, а когда грабят купцов, куда девают весь товар? Специи, к примеру? Используют ли их в приготовлении пищи?

А то, я могла бы приготовить им такие блюда, что закачаешься. Что проще лапши? Для пиццы нужна печь, к сожалению. Ещё есть чебуреки, беляши, вареники и пельмени. Ничего из этого списка наверняка не пробовали в Англии.

И тут впервые меня посещает мысль о трактире в Ноттингеме. У меня же есть золотая стрела, её можно продать и купить трактир. Господи, какая же шикарная мысль.

Только мне сначала нужно заручиться поддержкой Робина. Где доставать мясо? Покупать у крестьян? Стоп, Эмма! Сначала накорми банду, а потом прикидывай, что делать дальше. Быстро ты хочешь завершить карьеру правой руки

Шервудской ОПГ.

Для начала соберу сведения о мире, где мне предстоит жить, и только потом буду делать выводы и принимать решения, а то я себя знаю! Идей всегда много, мысли скачут, как спугнутые лягушки по кочкам. Как говорила моя лучшая подруга Сашка: «У тебя, Эмма, в жопке шило. Не сидится тебе спокойно».

Если кому-то в голову мысли приходят умирать, то в мою голову они приходят лишать меня покоя. Буду мучиться, пока не приму решения.

– А скажите, Джон, – кажется, я увлеклась, называя разбойника на «вы», Маленький Джон посмотрел на меня как-то недобро, с подозрительностью. Проклятая привычка называть незнакомых людей на «вы». Надо избавляться от неё.

Я сделала вид, что закашлялась. Схватила за горло, чтобы переключить внимание с моей оплошности в речи на физическое страдание.

– Эй, малой, ты чего? – спросил Малыш Джон и похлопал меня со всей дури по спине. Я отлетела на довольно приличное расстояние и плюхнулась носом о землю, прочесав нехилый такой след.

– Больной, что ли? – заорала я забывшись.

– Я-то здоров, а вот ты чуть богу душу не отдал, – в ответ заорал Джон.

– Да я просто проглотил комара, – уже тише сказала я, – от неожиданности закашлялся. Давай веди меня к припасам,

показывай добро. Надо же придумать, что готовить.

– Странный ты всё-таки, Том. Чего тут думать. Сыпь крупу и вари кашу, вот и весь обед, – Джон слишком пристально меня разглядывал, так что споткнулся и чуть не упал.

Я, вытирая сопли в буквальном смысле, плетусь вслед за ним. Пощупала нос, кажется, он опух. Руки и лицо в земле и крови. Красотка, глаз не оторвать.

Выбрала в шалаше, который служил местом хранения непортящихся продуктов масло, соль, крупу, кажется, перловку. Взять или не брать сухофрукты? Каша с ними получается вкуснее, но вдруг Робин не любит сладкое...

– Джон, а Робин любит сладкое? – поинтересовалась я у единственного источника информации.

– Не знаю, едим, что можем приготовить, мы же не королевские повара, – безобидно бурчит он.

По идее, у Робина хорошее чувство юмора, мне показалось, что он добрый где-то в глубине души. Показывать такое качество, как доброта, командиру отчаянных головорезов нельзя никак. Они должны его бояться и уважать. А добротой пользуются, но добряков не уважают, я так считаю. А раз у него есть эти качества, то должен любить сладкое. Рисковать, что ли?

Я добавляю в корзину ещё и сухофрукты.

Джон забрал у меня из рук корзину, когда увидел, что я не могу её поднять и волоку по земле. Бодренько организовал доставку хвороста и воды.

Как же я тряслась. Одно дело варить кашу или суп в своём мире, пусть и на костре. Другое здесь. Переведу продукты, не видать мне доверия Робина как своих ушей. Надо наизнанку вывернуться, но поразить его своим кулинарным шедевром.

Джон помог мне разжечь огонь. Подал небольшой котелок. Я рассчитывала на более объёмную посуду.

– А почему такой маленький? – я показала на котелок.

– Так, ты же готовишь для Робина, меня, ещё нескольких парней и себя, раз ты правая рука, – разъясняет мне Джон. – Остальные сами себе варят по очереди.

Я слушала, а сама промывала крупу и сухофрукты. Замочила сухофрукты в воде до того времени, когда нужно будет кидать в котёл.

На огонь повесила котелок без воды, кинула туда перловку и начала обжаривать. Глаза Маленького Джона становились всё больше и больше от созерцания моих действий.

– Расслабься, я знаю, что делаю, – пытаюсь успокоить его. Но Джон хватает воздух, словно выброшенная на берег рыба.

Я же уверена в своих действиях. Если перловку промыть и высыпать на сухую сковороду, пожарить до золотистого оттенка, это позволит ускорить приготовление каши.

– Джон, а в кашу мясо добавляете? Или что любите есть мясного?

– Странный ты, Том, – Джон чуть ли не у виска pokrutil, – мясо оно и есть мясо. В любом виде.

Действительно, чего это я спрашиваю. Живут они в Коро-

левском лесу, где охота строжайше запрещена, а я спрашиваю о мясе.

Перловка стала золотистого цвета. Я высыпала её в горшок. Было ужасно неудобно. Раскалённый котелок доставал жаром мои руки даже через многослойную ткань. Меня настораживает, что воду нужно лить в горячий котелок, но выхода не было. К сожалению, лишнего котелка для жарки перловки у разбойников не оказалось.

Мне принесли воды и я, мысленно перекрестившись, выливаю её в котёл. Слава богу, пока всё идёт по плану. Вода закипает, и я добавляю туда обжаренную крупу. На завтра нужно будет замочить перловку в горшке, чтобы варилась быстрее.

До кипения кашу я довела на сильном огне, посолила и добавила сухофрукты, если сильно разварятся, то не беда. Затем запретила Маленькому Джону в костёр подкладывать дрова, а только поддерживать жар углей, чтобы каша прела под крышкой.

Перебрасываясь ничего незначащими фразами, мы дождались, пока каша дошла до нужной кондиции, и я добавила в неё масла.

Джон взял котелок и понёс его к брёвнам, лежащим возле камней, на которые Джон водрузил котелок. Вольные стрелки стали подходить к нам и занимать свои места.

Я осталась стоять, не хотела проявлять неуважение. Да и Робин ещё не подошёл.

Внутри как натянутая струна в ожидании приговора. Медленно, словно нехотя подходит улыбающийся Робин. Усаживается на своё место, достаёт ложку. Я замерла в ожидании. Он очень медленно дует на кашу и отправляет её в рот. Жует, и глаза его увеличиваются. Всё, прибьёт или выгонит. Неизвестно, что хуже.

Остальные по примеру Робина тоже потянулись к каше проверить, что с ней не так. Этих парней ничем не напугаешь. Их лица вытягиваются, и они все как один уставились на меня.

Что не так? Вроде всё сделала правильно. Заболтавшись с Маленьким Джоном, я не успела попробовать кашу на вкус.

Баллада девятая о том, как я получила не то, что хотела

С замиранием сердца я ждала вердикта Робина. Его мнение будет решающим. Я ещё раз прогнала в голове последовательность приготовления и не нашла никаких отклонений от известного мне рецепта.

– Иисусе, как вкусно! – наконец-то произнёс Робин Гуд.

Я с облегчением выдохнула и уселась на бревно напротив Робина, рядом с Маленьким Джоном. Он по-дружески толкнул меня в бок локтем, а я чуть было не слетела с импровизированной лавочки.

Подумала, что надо бы приучить их есть за столом и из тарелок, а не на брёвнах и из котелка. Примерно прикидывая, сколько нужно посуды для сервировки стола, как и где всё это организовать, я опять потеряла связь с реальностью.

– Том, где ты научился так вкусно готовить? – вопрос Робина застал меня врасплох. Не думала, что это так важно.

Где я научилась так стрелять, он не спросил, а где я научилась готовить, его интересует. Чудны крестьянские дети.

– У отца научился, он был поваром у знатного франка, – я достаиваюсь уважительных взглядов. Теперь легко можно легализовать свои кулинарные нововведения.

– А, что ещё можешь приготовить? – интересуется парень,

которого я не знаю. Я посмотрела на Джона, ища поддержки. Совместное приготовление еды нас немного сблизило. Робину же не понравилось, что я обращаюсь за поддержкой не к нему, и покровительство мне оказывает Маленький Джон.

– Расскажи Долговязому Вилли, что ты ещё можешь приготовить, – сказал мне Робин слишком резко, при этом уплетая кашу за обе щёки. – И где твоя ложка, чёрт побери?

Я пожимаю плечами. Приятное тепло от его заботы разлилось по телу. Всё-то он замечает. Никто, кроме, него не позаботился обо мне.

– Потерял, должно быть, – предполагаю я. Не говорить же, что я на турнир не брала с собой ложку. Не пришло в голову, что она может понадобиться.

В моём рюкзаке лежали два комплекта одежды. Я хотела переодеться и на празднике ходить в наряде той эпохи. Но я никак не могла решить, надевать женское или мужское платье, что моя дочь, не выдержав моих метаний, посоветовала взять оба комплекта. Ещё я не расстаюсь с зеркальцем и расчёской. Складной нож, даже не знаю, как он оказался в рюкзаке. Разве что забыла его выложить с прошлой игры. Но как тогда я смогла провезти его в Англию через все металлоискатели? Такая же загадка, как и моё появление в эпоху Робин Гуда.

Робин делает знак Маленькому Джону, и он приносит мне ложку. Я беру кашу из общего котла и отправляю в рот. Нда! Могло быть и лучше. Я же варила вкуснее. А тут захоте-

ла отличиться и оплошала. Не могу скрыть разочарования. Робин заметил мою гримасу.

– Что, не нравится собственная стрепня? – удивляется он.

Разбойники, сидящие у костра, посмотрели на меня, как на полоумную. Сами они всё лопали за обе щёки. У нашего костра не было слышно разговоров, все заняты поглощением пищи. Народа много, зазеваешься и всё – остался без обеда. Приятно, что им так понравилась моя каша! Но я собой разочарована.

– Вкусно! Но я могу лучше, – честно заявляю я. – Папа был бы недоволен.

– Ну, чтобы не разочаровывать родителя, будешь теперь нам готовить, – решил Робин Гуд. – Очередность приготовления еды отменяется, ребята. Теперь Том будет стряпать за всех.

Я ужасаюсь. Готовить на такую орду я не хочу. Во всяком случае, я пришла, чтобы отличиться. Вот и отличилась на свою голову.

– Я тоже хочу принимать участие в грабежах, – возразила я Робину. – Я пришёл к вольным стрелкам, чтобы добыть себе славу.

– Вот и добудешь, – согласился со мной Робин Гуд. – Славу лучшего повара братства вольных стрелков.

Парни рассмеялись не обидно, а словно сочувствуя. Не могу сказать, что я расстроена, но всё же хотелось поучаствовать в штурме замка. Грабить рыцарей и монахов на боль-

шом тракте, проходящем через Шервудский лес.

Я напрямую высказала, что я думаю о том, что меня превратили в обслугу.

– Том, стрелков много, а хороший повар один на всё братство, и это ты. Гордись! – Робин потянулся к моему лицу, чтобы щёлкнуть по носу. Но почему-то не донёс руку и спешно убрал её за спину.

– Ну, если так, то мне нужен помощник! – ультимативно заявляю я. – А ещё лучше два.

– Пять! – рявкает Робин. – Пять помощников тебе не нужно?

– Это было бы чудесно, – мило улыбаюсь я ему. – Народу много, один я не справлюсь.

– Ты будешь готовить только для нас, – с какой-то долей ревности произнёс Робин.

– Как скажешь, Робин, – покорно согласилась я. – Но одного помощника выдели. Я не дотащу воду из реки, дрова тоже для меня тяжеловаты.

Робин подозрительно посмотрел на меня. Что-то прикинул в уме и кивнул.

– Завтра тебе помогает Долговязый Вилли, – распоряжается он.

– А что сразу Вилли?

– Ты же хотел знать, что может готовить Том, вот самый первый и узнаешь, – засмеялся Маленький Джон.

Мне начинает нравиться Джон. Симпатичный позитив-

ный парень, который за словом в карман не лезет. Надеюсь, что смогу сделать его своим другом.

– Так что ты нам завтра приготовишь? – спросил уже Маленький Джон, остальные выжидательно уставились на меня.

– Хочу попробовать сделать небольшие жареные пирожки с мясом. Называются чебуреки. У вас мясо и мука есть?

Они дружно кивнули. Отлично! Насколько я помню, в Англии того времени не было ужина как такового. Вставали рано и перекусывали хлебом и молоком. У кого не было молока, то хлебом и водой. Шли работать, а часов в одиннадцать-двенадцать завтракали чем бог пошлёт, но чем-то по-настоящему хлеба и воды – суп, похлёбка. Последний приём пищи – обед, по-нашему ужин. Вот и сейчас мы поужинали и пора ложиться спать.

Мне захотелось помыться, расчесать волосы, снять сдавливающую грудь повязку и хотя бы ночью отдохнуть от неё. Я наклонилась и зашептала Маленькому Джону на ухо:

– Здесь есть неподалёку ручей?

Насколько я помнила, рядом с лагерем разбойников реки не было. Вряд ли что-то поменялось.

– Тебя отвести к ручью? – также тихо спрашивает Джон.

В ответ я лишь киваю. Встаю первая, беру пустой котелок, свой рюкзачок и отправляюсь в лес. За мной поднимается и идёт Джон.

Он выхватывает котелок из рук и отпускает шутку. Я не расслышала, о чём говорит Джон, потому что встречаюсь с

горящим взглядом Робина, провожающим нас.

К счастью, он не знает, что я девушка, иначе всё это приобрело бы совсем другой оттенок. И почему кроме Робина никто не обращает внимания на нашу совместную прогулку в лес?

Джон привёл меня к ручью. Я расположилась, а он заскучал.

– Джон, если у тебя есть дела, то иди. Я, как закончу, сам дорогу найду, – он не заставил себя упрашивать дважды. Не скрывая радости, что избавлен наконец-то от женской работы, он поспешил в лагерь.

Я набрала в котелок воды и оставила отмокать. Сняла капюшон, расстегнула застёжки плаща и куртки. Сняла их и осталась в одной прозрачной рубашке.

Разбинтовала грудь и вздохнула с облегчением. Кайф! Да, лифчик по сравнению с этой пыткой просто маленькое неудобство, я даже вспомнила о нём с ностальгией.

Достала расчёску и стала приводить волосы в порядок. Надо что-то придумать с ними, чтобы разбойники не увидели мои пышные рыжие кудри. Может быть, отрезать? Как же мне жаль их.

Я расслабилась, сидя возле ручейка. Как же хорошо, когда можно быть самой собой, а не изображать мужика.

Мне мочи нет, как захотелось ополоснуться. Оглянулась, но только ветерок гуляет по листве. Я решаюсь. Сняла рубашку и наклонилась над ручьём, зачерпнув в ладонь воды.

Вдруг я услышала, как хрустнула ветка. Я обмерла. Сердце забило, словно пойманный в силки зверёк. Схватила рубашку и прикрылась. Только этого мне не хватает. Кого же принесло к ручью именно в этом месте?

И что мне теперь делать?

Баллада десятая о том, как меня рассекретили

Из леса больше не доносилось ни звука, кроме пения птиц и стрекотания насекомых. Может, это ветерок гуляет, а я разнервничалась.

В любом случае нужно быстрее одеваться. Пусть даже меня и заметили без одежды, вести переговоры всё же лучше в ней. Эх, жаль, что не ополоснулась. Соскучилась по душе и ванной. Прямо мечтаю развалиться в пенной воде и побалдеть немного. Но, увы, сия радость мне не доступна. Хоть бы в речке искупнуться.

С колотящимся от напряжения сердцем я попыталась одной рукой натянуть на себя куртку. Но получалось плохо. Никак не могла попасть в рукав.

– Давай помогу, – услышала я знакомый голос позади себя.

Сильные руки забрали у меня рубашку и помогли надеть куртку, не застёгивая её. Жадный взгляд остановился на груди. Я попробовала запахнуть куртку, но он не позволил. Его наглые руки потянулись к груди. Я отпрянула. Но он поймал меня и прижал спиной к своей груди, открывая себе полный доступ к моему телу. Он ласкал полушария груди, и я почувствовала, что реагирую на его грубоватые ласки.

Он пропустил волосы сквозь пальцы. Повернул меня к себе лицом, очерчивая пальцем линию губ, а я застыла, боясь пошевелиться.

Тело, у которого давно не было мужчины и разум, которому нравится наглый соблазнитель, действуют заодно.

«Каков нахал!», – восхитилась я, но всё же попыталась оттолкнуть его. Если я сейчас пойду на поводу у желания, он сделает меня своей постельной грелкой и шанса чего-то достичь в этом мире уже не будет.

– Тихо, малышка, тебе понравится, – прошептал он мне на ушко хриплым от желания голосом, удерживая меня.

А вот это мне совсем не понравилось. Легче остановить летящий на полной скорости локомотив, чем возбуждённого мужчину.

– А дальше что? – как можно равнодушнее спросила я, очень постаравшись скрыть желание в голосе. Я сделала ещё одну попытку застегнуть куртку, но и она потерпела фиаско.

Но его было не остановить. Он дорвался до женщины и собирался воспользоваться моментом. Настойчивые губы воспаменяли меня, наглые руки были везде, заставляя меня неистово желать продолжения. Я закусила губу до крови, чтобы не застонать.

Собрав остатки воли в кулак, я ударила его сапогом по ноге. Целилась в кость, чтобы боль отрезвила его. Но промазала. Он моей попытки даже не заметил.

Я снова пытаюсь его оттолкнуть. Как бы не так! Легче ска-

ду сдвинуть с места, чем эту стальную гору мышц.

Он неправильно понимает мои попытки освободиться, посчитав, что отвечаю на его ласки.

– Остановись! – жёстко сказала я, призвав на помощь благородие. Закричать в полный голос не решилась. Мне не улыбается, чтобы банда вольных стрелков увидела меня обнажённой. Тогда беды не миновать. Да я понятия не имела, кто ещё шастает по Шервудскому лесу и может услышать мой крик.

Как бы горько это ни звучало, но в данном случае один мужчина предпочтительнее. Справиться с ним проще.

– Зачем? – хриплым голосом спросил он, но всё же остановился. – Тебе же нравится, малышка, я же вижу.

Словно подтверждая его слова, внизу живота растеклась приятная истома.

Нравится, но я не собиралась в этом признаваться и становиться лёгкой добычей даже для своего кумира.

– Отпусти меня, – умоляла его я. – Я уйду, и мы больше никогда не увидимся.

– Я тебя никуда не отпущу, – наконец-то услышал он меня и сам запахнул курту на груди. – Как тебя зовут? Я имею в виду настоящее имя.

– Эмма, – промямлила я. – Эмма Локвуд из Кента.

– Эмма, – повторяет он моё имя, пробуя на вкус каждую букровку. – Красивое имя, тебе подходит.

– Робин, просто отпусти меня, и я уйду, – попросила его

я ещё раз.

– Никуда ты не пойдёшь, сейчас оденешься, и мы возвращаемся в лагерь. Спать будешь со мной, – категорично заявил Робин и сильнее прижал меня к себе.

– Нет, – в это слово я вложила всю свою решительность.

– Что за неприличное слово «нет»? Я не знаю такого, – улыбнулся улыбкой сердееда Робин, и я понимаю, что он меня действительно не отпустит.

– Я знаю ещё много неприличных слов: «нельзя», «убери руки», «я не буду с тобой спать», – разозлилась на него я. Хотя надо больше злиться на себя. Чем на Робина. Он привык, что женщины ему на шею вешаются.

– Женщине нельзя так выражаться. Тебе просто следует сказать: «Робин, я согласна стать твоей девочкой», – он поцеловал меня пониже ушка, а у меня ослабели ноги. Нашёл слабое звено в моей обороне.

– Робин, ты склоняешь меня нарушить заповеди нашей матери-церкви, – пытаюсь я зайти с другой стороны. Всё-таки он католик, а для них важно соблюдение заповедей.

– Ты пришла в банду к отъявленным головорезам без чести и совести, – засмеялся Робин. – Мать-церковь давно уже прокляла нас.

Да, сложно взывать к доводам разума, когда мужчина думает тем, что южнее. Как женщина, прожившая свою жизнь в довольно свободном обществе, я могла бы и согласиться с доводами Робина. Не, ну а что такого-то? Во всяком случае

мне они показались достаточно убедительными.

Мне, слава богу, шестьдесят восемь, пусть здесь я и выгляжу на двадцать лет. Только вот нужно считаться с эпохой. Отдайся я сейчас Робину, и уважения мне не видать, я стану доступной женщиной.

– Меня ещё не прокляла. Не губи мою доверчивую душу, – со слезами на глазах попросила я. – Мы делили с тобой хлеб, ели из одного котелка. Ты принял меня в братство, признав равной вам.

– Послушай, Эмма, – с таким началом ничего хорошего он не скажет. – Ты пришла в братство вольных стрелков. Попыталась обмануть меня.

– Что значит – попыталась? Ты знал, что я женщина? – поражённо перебила его я.

– Конечно, знал. Ты на себя посмотри. Небольшого роста, едва мне до плеча достаёшь. Нежная белая кожа лица, зелёные глазищи с длинными ресницами, маленькие аккуратные ушки, которые так и хочется потрогать. Выбивающаяся из-под капюшона рыжая прядь волос, – с удовольствием перечислял он мои достоинства.

Романтично-то как описал меня. Я невольно посмотрела на своё отражение в ручье. Да, такая и есть. Красивая и желанная.

– Зачем же ты предложил турнир, чтобы оставить меня? – любопытничаю я.

– Я думал, что ты проиграешь и вынуждена будешь уйти.

Я даже пытался разбудить твоё милосердие и предоставил выбор: либо ты, либо брат Тук.

– Я же не знала, что ты такой проникательный, – пробурчала я себе под нос.

– Тут не в проникательности дело, – услышал он моё бурчание. – Ручки у тебя белые и нежные, а глаза смотрели на меня с такой мольбой. Ну как я мог отказаться? И не прогадал, ты ещё и готовишь отменно.

– Я ещё много чего могу. Во мне масса скрытых достоинств, – проговорила я. Но поняла, что это звучит двусмысленно, и добавила:

– Робин, я не доступная девка. Я невинна и всё ещё не попрощалась с мыслью о замужестве.

– Зачем же ты тогда пришла ко мне? – наконец-то удивился Робин.

– Ты мой кумир, – хотела добавить «с детства», но вовремя остановилась. – Хотела взглянуть на тебя.

– А я предлагаю не только взглянуть, – опять возвращается к теме совместного проживания Робин. В глазах его светилось лукавство. Он дразнил меня.

– Ты опять за своё, – я даже топнула с досады.

– А может быть, ты пришла к Маленькому Джону? – разозлился Робин на мой отказ и сжал до боли мои плечи. – Я видел, как вы уединялись и шептались. Он же тебя сюда привёл.

Матерь Божья, меня ревнует сам Робин Гуд! Могла ли я,

сидя в своей хрущёвке в Москве, даже подумать о таком?

Баллада одиннадцатая о том, как меня ревновал Робин Гуд

Ревность – это, может быть, и неплохо в разумных пределах, когда есть пара. Я не любительница драконить чувства таким образом, но и это было в моей жизни, чего скрывать.

Пара, то есть двое – он и она! Но мы с Робинем только познакомились, а он уже пылает страстью? Хотя... для мужчины это нормально. Пришёл, увидел, повалил. А я предстала перед ним в весьма фривольном виде.

Он в своём лесу сколько уже женщину не видел? Есть вариант, что он наведывается к женщинам с низкой социальной ответственностью в Ноттингеме или Мэнсфильде. Не спрашивать же о таком деликатном вопросе.

Тогда, с какого такого переляку незнакомый мне мужик решил сыграть Отелло? Я что, повод давала? Чудны дела твои, господи!

Я же не наивная малолетка, которую можно построить. Я старше Робина не только на тридцать восемь лет, я старше его на целые века. Но он об этом не знает, он видит юное зеленоглазое создание.

Всё же мне польстило его внимание. Понятно, что женщины в этом мире нужно держаться самого сильного или влиятельного мужчину. Для меня в Шервудском лесу это Робин

Гуд.

– Ты чего замолчала? – действительно с нотками ревности, мне не показалось, спросил меня Робин.

Подобные поползновения надо пресекать в зародыше, тем более, если сама к нему неровно дышишь.

– Послушай, я из Кента, Маленький Джон из Шервудского леса. Узнала его позже, чем тебя. Ты же сам приставил его ко мне, – я сделала вид, что удивилась его напору. – Мама мне всегда говорила, чтобы я не связывалась с плохими мальчиками.

– А ты так и послушала свою маму, – захохотал Робин.

– Ты сама-то понимаешь, во что ввязалась? – уже серьёзно спросил он. – Вокруг одни плохие мальчики. Очень плохие, Эмма.

Я судорожно сглотнула. Только сейчас до меня дошло, что я не до конца просчитала последствия. А Робин мне только что продемонстрировал в лёгкой форме, что меня ждёт, если раскроется тайна.

В моей голове сложился образ благородных разбойников, который им создали легенды. А на самом деле они обычные люди и своего не упустят. Остаться в банде опасно, нужно продавать стрелу и открывать трактир.

А вот здесь мой молодой возраст будет помехой. Каждый посчитает своим долгом обмануть юнца. Помощь Робина в продаже стрелы не помешает.

– Ты же меня не выдашь? – с надеждой спросила я.

– Сама себя выдашь, моя помощь не понадобится, – уверенно ответил Робин и подмигнул.

Чёрт, и здесь он прав. Я так долго не смогу продержаться. Надо что-то делать. Для начала одеться. Отдала ему камзол, чтобы руки не распускал. Всё же решила ополоснуть грудь. Наклонилась к ручью, зачерпнула воды. Как хорошо-то!

Обтёрлась старой рубахой, начала бинтовать грудь. Робин с жалостью наблюдал за моими действиями.

– Зачем себя истязать? – хрипло спросил он. – Ты такая красивая девушка, Эмма.

– А иначе все узнают, что я женщина, – мой ответ не блистал интеллектом, но как ещё можно ответить на вопрос об очевидных вещах.

– Чем плохо быть женщиной?

– Робин, давай не будем сейчас вести философскую дискуссию, – начала я говорить и поняла, что забылась. Не может средневековая девчонка использовать в речи такие слова.

– Ну, и откуда ты знаешь такие слова? Не каждый дворянин знает, что такое философия и дискуссия, а уж объединить их вместе в предложении вообще непосильная задача, – Робин опять подозрительно уставился мне в глаза. Можно подумать, что под его взглядом я не смогу солгать. Сам-то он откуда знает все эти слова?

– Отец. Единственное объяснение всем моим странностям, – спихиваю всё на отца, которого не существует ни в

этом мире, ни в моём. На глаза набежали слёзы, и так каждый раз, когда я вспоминаю об отце. Он много значил в моей жизни.

– Допустим, я тебе поверил... – начинает он таким тоном, что понятно, ни черта не поверил.

– Послушай, а тебе не всё ли равно? – раздражительно спросила я. – Какая тебе разница, откуда я всё это знаю? Ты каждому вольному стрелку задаёшь такие вопросы?

– Если считаю нужным, то задаю, – резко ответил он. – Эмма, хватит раздражаться по пустякам.

Я застегнула куртку и собрала свои вещи в рюкзак.

– И вещи у тебя странные, – внимательно наблюдая за сборами, выдал он. – И сама ты загадка.

– Загадка Шервудского леса, – разулыбалась я и повернулась в сторону леса для того, чтобы возвратиться в лагерь.

– И заноза для Робина Гуда, – пробормотала себе под нос. – Подожди, – схватил он меня за запястье, и словно электрический разряд прошёл по телу. – Ты не можешь оставаться в братстве. Для тебя здесь опасно.

– Можно подумать, что для тебя безопасно, – улыбнулась я. У меня уже есть примерный план отступления из Шервудского леса в Ноттингем.

– Ты всё сама понимаешь. Сегодня я тебя увидел, а завтра кто-то другой, и он не будет так нежен, – он провёл рукой по моим волосам, пропустил локоны сквозь пальцы.

Он миллион раз прав. Пора бы уже осознать, что я в Сред-

невековье, а не на слёте реконструкторов. Я об этом постоянно забывала. И даже Робин кажется мне милым парнем из Твери, переодетым под нашего кумира молодости.

– Я понимаю. Но сейчас уйти не смогу. Дай мне время, чтобы всё подготовить, – попросила его я. Он кивнул. – Мне будет нужна твоя помощь.

– Но до этого времени будешь находиться постоянно у меня под присмотром. Отлучаешься – приди скажи, чтобы я знал, где тебя искать, – теперь я кивнула, отзываясь на каждое его слово. – Спать будешь со мной.

Я вздрогнула и побледнела. Вырвала свой локон из ладони Робина. Собрала волосы в пучок, скрепила заколкой и натянула капюшон.

– Не бойся, не трону. И хочу, чтобы другие тоже не тронули, поняла меня? – разозлился Робин на мою реакцию.

Чувство благодарности к Робину затопило меня до самой макушки и грозило перелиться через край. Я бросилась к нему на шею и поцеловала. В щёку.

Он же обнял меня и нежно поцеловал в губы, усиливая поцелуй. В голове поселилась восхитительная пустота. Я обмякла в его руках.

– В лагерь ты иди первая. Я пока не в форме, – я опустила взгляд. Гм, действительно пока лучше успокоиться, а то вольные стрелки остры на язык, и Робину перепадёт. Если решатся, конечно.

– Я не могу, – показала ему на замоченный котелок. – Я

пришла сюда мыть посуду.

Он глубоко вздохнул. Я только хотела предложить погулять по лесу, как из-за спины послышался голос.

– Робин, Том, что это вы тут делаете? – ворвался в нашу идиллию возмущённый возглас.

Баллада двенадцатая о том, как я рассказала свой план

«Что вы тут делаете» не равно «чем вы тут занимаетесь».

Только что за возмущение в голосе зама по грабежам?

У Робина самообладание лучше, чем у меня. Он спасает ставшую патовой ситуацию.

– Джон, что *ты* здесь делаешь? – Робин Гуд строго посмотрел на Маленького Джона. В голосе вожака прорезалась сталь.

Джону стало неуютно под колючим взглядом начальства.

– Робин, я пришёл за Томом. Ты же поручил его мне, – мягко отвечает Джон.

– Что значит поручил? – рявкнул Робин. – Том что, ребёнок, чтобы ходить за ним по пятам?

Я усиленно натирала котелок песочком, который нашла на дне родника. Нет, ребята, я в ваши разборки не собираюсь вступать.

– Ты тогда зачем пришёл сюда? – храбро спросил Маленький Джон.

– Ты что, сейчас требуешь у меня отчёт? – голос Робина стал настолько холодным, что я поёжилась.

Украдкой кинула на них взгляд. Робин демонстративно кладёт руку на рукоятку охотничьего ножа. С мечом он, по-

нятное дело, по лесу не шатается. А вот нож всегда при нём. Это был не просто нож. Кинжал.

Кинжал или боевой нож носили на поясе почти все мужчины и юноши Средних веков, и немало женщин. Это был повседневный вид оружия, самый массовый, пожалуй. У меня тоже такой имеется на поясе. Но орудуя я им ещё хуже, чем мечом.

Кинжал – дублирующее оружие профессиональных военных. На войне кинжал применяли после потери или повреждения меча, либо в тесноте, где меч бесполезен.

У меня, Робина и Джона на поясе висят кинжалы, которые называются квилон.

Эфес кинжалов этого типа полностью повторял меч. Кинжал был уменьшенной копией меча. Название произошло из характерного перекрестья кинжала, перпендикулярно пересекающего рукоять.

Вот за такой милый ножичек хватается Робин Гуд. Джон отступает на несколько шагов назад.

– Нет, конечно, Робин, – мягко отвечает Джон. – Я даже не думал.

– Джон, я не посмотрю на то, что ты со мной с самого начала, – угрожающе говорит Робин.

– Понял я тебя, понял, – Джон вскидывает руки на уровне груди ладонями наружу, – ты девчонку себе единолично забрать хочешь.

Я уронила котелок на ногу и заорала. Ничего себе заявоч-

ки. Получается, что все в курсе, что я женщина?

– Кто ещё знает, что Том девчонка? – Робин схватил Джона за грудки и притянул к себе.

– Многие догадываются, – сипло сказал Джон.

– Слыхала? – Робин оттолкнул Джона, как будто он в чём-то виноват.

– Я уйду, – сказала я. – Хочешь, прямо сегодня?

– Какого чёрта уходить, если скрываться больше нет причины? – выдаёт Джон здравую мысль.

– Я не уверена, что нет причины скрываться, – упрямо заявила я.

Откуда такая уверенность, что другие разбойники знают о моей половой принадлежности? Я вообще не уверена, что Джон не подсмотрел всю пикантную сцену. Просто Робин опередил его и вышел к ручью раньше.

– Сознайся Джон, что ты просто видел нас с Робинком, – мой голос дрожал от возмущения. Подглядывать низко.

У Робина упало забрало. Он направился к Джону, вытащив кинжал.

– Робин, успокойся, – я кинулась ему на грудь, повисла на шее. – Это даже хорошо, что Джон знает, что я девушка. Он поможет.

Робин отодвинул меня и пошёл напролом на Джона. Маленький Джон и не подумал сбегать. Стоял, как спартанец и ждал боя. Сдаваться даже командиру он не собирался. Робин молниеносно рванулся вперёд, ударил. Я зажмурилась,

тихонько молясь про себя, чтобы эти двое не поубивали друг друга.

– Из-за какой-то пришедшей девчонки, – выплёвывая кровь прохрипел Джон. Я приоткрыла один глаз. Бой закончился с одного удара. Да по Робину не только Олимпийские игры плачут, но и бои МВА.

А ведь Маленький Джон прав, всем морды не набьёшь, а свара в братстве не нужна никому. Видимо, пришла пора поделиться своим планом.

– Я уже придумала, как отсюда уйти, только без вашей помощи мне не справиться, – говорю я им. – Прости, Джон.

– Хочу уехать в Ноттингем. Сегодняшнее происшествие только подтолкнуло меня. Шила в мешке не утаишь, сколько ещё я смогу скрываться?

Мужчины пожали плечами.

– И что ты предлагаешь? – Интересуется Робин Гуд.

– Открою трактир и торговую лавку в Ноттингеме, – поделилась своими планами я.

– Ты настолько богата? – загорелись алчностью глаза Маленького Джона.

– Я небогата. Но у меня есть средства. Я продам выигранную на турнире золотую стрелу. Только, Робин, – я покосилась на Джона, – ты должен поехать со мной.

– А почему Робин? – маленький Джон, аж губы облизал от предвкушения скорейшего обогащения. – Почему не я?

– Потому что, – лаконично ответила я. Мне что, нужно

объяснять, что до Ноттингема я могу и не доехать с таким провожатым.

– Робин, ты мне поможешь продать стрелу и купить трактир и лавку, – я накрыла его руку своей ладонью. Робин посмотрел на мою руку, потом медленно поднял глаза на меня. Улыбнулся. Эта улыбка мне не понравилась.

– Не надо вот всего этого, Эмма. Обойдёмся без женских штучек. Я, конечно, помогу тебе, – лицо Робина исказила гримаса и тут же пропала. Что она означает, я не поняла. – Хорошо, купила ты трактир и лавку. Но, кроме этого, ещё нужны услуга, товары, продукты.

– Верно, и в этом вы мне поможете, – радостно хлопнула я его по коленке. Робин нахмурился.

– Каким образом, позволь спросить?

– Вы грабите купцов, крестьян, рыцарей, монахов, забираете всё, даже одежду, верно? – От их ответа многое зависело. Я напряглась, продолжая улыбаться во все тридцать два зуба.

– Допустим, – осторожно сказал Робин.

– Верно, – одновременно с ним произнёс Маленький Джон.

– Куда вы это всё деваете? – спросила я дальше.

– Иногда удаётся сбыть у меня в Мэнсфильде или Ноттингеме, – ответил Робин Гуд, задумчиво рассматривая меня. – Деньги небольшие. Даже половину цены не дают.

– Вот, – обрадовалась я. – Я вам предлагаю сотрудничать.

ство. Вы мне даёте товары для продажи и продукты для таверны, а я вам половину прибыли.

Я рассчитывала, что они сразу согласятся. Я уже нарисовала себе в воображении, как всё будет, и отступить не намерена. Если бы не моё ослиное упрямство, как говорила моя мама, то я бы не стала олимпийской чемпионкой. Вот и здесь я всё равно получу то, за чем пришла в Шервудский лес.

– Заманчиво, – провёл аристократическими пальцами по подбородку Робин, – но где мы возьмём столько провианта? Таверна – это очень много людей, особенно в праздники и по вечерам.

Он использует военный термин, значит, всё-таки был рыцарем. Надо будет расспросить его о прошлом. Жутко интересно.

– Очень просто, договорюсь с йоменами (*свободные крестьяне в Англии – прим. автора*). Они будут поставлять мне сезонные овощи, а вы мясо из королевского леса.

С этого момента они стали смотреть на меня по-другому. Возникло множество вопросов, на которые я с удовольствием отвечала.

– Зачем тебе одежда? – спросил Маленький Джон.

– Буду продавать в лавке по полной стоимости. Не бойся, мы будем только в прибыли, – отвечаю я, но смотрю на Робина. У него залегла морщинка на переносице. Он сосредоточенно думал о чём-то.

В лесу начало темнеть, а мы всё никак не могли обсудить

все вопросы. Возвращаться в лагерь не хотелось. Лишние уши нам ни к чему.

– Но их же могут узнать владельцы, – беспокоится Джон.

– А это уже моя головная боль. Найму швей и перешью все вещи, станут ещё краше, а цена выше, – не скрывая восхищения, Джон не сводил с меня глаз.

– Чтобы обеспечить тебе торговлю, ты представляешь, сколько мы должны грабить? Нами заинтересуется шериф, и облавы уже будет делать на меня, а не гоняться за тобой, – язвительно проговорил Робин.

– Волков бояться – в лес не ходить, – подмигнула я Джону, но Робина даже это не сбilo с толка. – Не трогай крестьян, помогай им немного деньгами, и ты увидишь, о тебе начнут слагать легенды ещё при жизни.

– Какой мне прок от легенд, я предпочитаю, чтобы обо мне меньше говорили и никто не знал, как я выгляжу, – рассердился Робин.

Я закатила глаза, господи, до чего ж они туго соображают. Хотя Робин ещё не самый безнадёжный вариант.

– Тебе не обязательно лично вручать каждому крестьянину монеты. Пусть кто-то из братства передаёт от тебя. Поможешь самому многолюдному классу в стране, и тебя никогда не поймает шериф, – убеждала его я.

– Это ещё почему? – удивился Маленький Джон.

– Потому что они нас и предупредят об облаве, и спрячут, если нужно, – выдал Робин мои мысли. – Ради громад-

ных налогов пойдёшь на всё что угодно.

– Робин, ты согласен с моим предложением? – меня аж колотило от нетерпения.

– Уже стемнело, возвращаемся в лагерь, – ответил мне Робин на вопрос. – Джон, Эмма будет спать в нашей хижине.

– Ну, так что, Робин? Не томи, – умоляла его я ответить.

– Не забудь котелок, приготовление еды на тебе. Покажи, что ты там будешь готовить в своём трактире, – ответил Робин Гуд. – Мне нужно подумать, Эмма.

Баллада тринадцатая о том, как я произнесла пламенную речь

Проснувшись, я почувствовала себя сосиской. Я лежала, зажата между Робинот и Маленьким Джоном. Жар от них шёл невероятный. Вдобавок ко всему, рука Робина по-хозяйски лежала у меня на груди. Я аж взмокла вся.

Я как могла, осторожно высвободилась из этих тесных объятий. Спустилась к костру и взяла чистый котелок. Мой путь лежал к злополучному ручью. На сей раз я хотела просто умыться и набрать воды для завтрака.

На обратном пути насобираала мяты и листьев малины, приготовлю вместо чая кларею. Для её приготовления нужно прокипятить воду с мёдом и специями, я добавлю мяту и листья малины. Подавать кларею нужно охлаждённой.

Насколько я помнила, овощей, яиц и молока у братства не было. Про дрожжи я вообще молчу.

Эх, мне бы сейчас в трактирчик и нажарить в нормальном месте вкуснящих лепёшек. Я же буду печь на раскалённых камнях пресные лепёшки типа просвиры или мацы.

Я проворно смешала в равных пропорциях муку с водой, добавила соль и замесила тесто. Выложила его небольшими лепёшками на горячие камни.

Тесто по краям стало затвердевать, потом подрумянивать-

ся, потом отставать от камней. Я взяла чистую щепку, подготовленную заранее, подсунула её под лепёшку, уже готовую снизу и перевернула её на другую, ещё не пропечённую сторону.

Когда лепёшки были готовы, я повторила процедуру уже на других камнях, взятых из костра. Теста хватило на двенадцать небольших лепёшек.

Я притащила из хижины мёд и отправилась добывать хотя бы какую-то ткань, чтобы устроить пикник, раз нет стола.

Невероятно волнуясь, я вошла в шалаш, служивший складом. Если меня застукают, то могут подумать, что я воровка. Лишь бы не побили или не убили. Разбойники, они такие, народ горячий.

Меня же никто, кроме Робина и Маленького Джона, близко не знает. Я густо покраснела, вспомнив, как меня близко узнавал Робин.

Я лазала по тюкам, пытаюсь рассмотреть награбленное. Как же низко я пала, что это не вызывало во мне праведного негодования. Еле-еле я отыскала тарелки, правда, серебряные. Понятия не имею, как Робин отнесётся к предложению есть как аристократ. Может быть, не захочет вспоминать прошлое.

– Том, где ты, чёрт бы тебя побрал, – раскричался на весь лес Робин Гуд.

– Я здесь, ваше величество, – высунула я нос из склада-шалаша.

– Какое я тебе величество? Уши оборву! – грозно говорит Робин, а у самого глаза смеются. Ох, и несерьёзный попался предводитель вольного лесного братства.

– Ну, как же, король Шервудского леса, принц воров, – заулыбалась я на все тридцать два зуба, приближающемуся ко мне Робину.

– Слушай, Эмма, – прошептал он, – ты говори, да не заговаривайся.

– Послушаешь меня, слава о тебе прогремит в веках, – также тихо ответила ему я.

– Тебе-то откуда знать? – со скепсисом посмотрел на меня Робин.

– В некотором роде я предсказательница, – засмеялась я тихонько, чтобы мой смех не услышали просыпающиеся разбойники. – Я завтрак приготовила.

– А здесь что ты делала? – он даже не разозлился, что я влезла сюда.

– Искала скатерть, чтобы постелить на траве и поесть. Робин, я хочу сколотить стол и лавки, чтобы есть по-человечески. Я и тарелки нашла, – показываю я на стопку тарелок из серебра.

Робин сжал челюсти и больше ничего не выдало его волнения.

– Я скажу парням, и они сделают. Пошли, попробуем, что ты приготовила.

Мы отправляемся к костру. Робин взял у меня тарелки,

но я вырвала их и понесла сама.

– Эмма, ты чего?

– Многим своим парням помогаешь таскать вещи? – он мотает головой, словно я спросила что-то неприличное. – Вот и мне не помогай. Я же вольный стрелок Том из Кента.

– Ну-ну, – усмехнулся Робин и добавил громче. – Том, пошевеливайся, мне тебя что, до второго пришествия Христа ждать?

Маленький Джон посмотрел на нас из другого конца лагеря, но что он хотел увидеть, для меня осталось загадкой.

Я рассадила мужчин и подала каждому тарелку с тремя небольшими мягкими лепёшками, политыми мёдом, и стакан с клареей.

Обычно они не завтракали, а ждали обеда. А тут нарушение устоявшейся традиции. Попробовав моё угощение, парни облизали пальцы в буквальном и переносном смысле.

– Том, что у нас будет на обед? – полюбопытствовал Долговязый Вилли, названный так за низкий рост.

– Мне сложно приготовить что-то вкусное, так как нет самого простого.

– Чего? – спрашивают они хором.

– Да, Том, чего тебе не хватает? – спрашивает Робин таким тоном, что я подозреваю, что вопрос задан не о продуктах.

– Мне нужно мясо, овощи, яйца и молоко, – перечислила я.

– Мясо – самое простое, – сказал Маленький Джон, – подстрелим оленя.

Я пожалала плечами. Мне, в принципе всё равно, кого они подстрелят. Хоть антилопу, лишь бы у меня было мясо.

– Яйца, молоко, овощи можно украсть у йоменов, – предложил Долговязый Вилли.

Вот это предложение мне не понравилось. Крестьяне и так голодают под тяжестью двойных налогов, так их ещё и обкрадывают. Грабить, что ли, больше некого?

– Я против того, чтобы грабить бедных крестьян, – решительно заявила я.

Как хорошо, что они ничего не знают о социализме и коммунизме, а то бы сразу клеймо поставили. В западных странах жить заклеимённым ох как сложно.

– Это ещё почему? – ошетинился ещё какой-то парень. – Что за дурь ты несёшь? Для чего вообще пришёл в Шервудский лес?

Робин лукаво улыбнулся и обмакнул кусочек лепёшки в мёд. Выкручивайся, мол, сама. Но меня не оставляет ощущение, что это проверка. Он меня проверяет, смогу ли я осуществить свой план или просто болтаю.

И правильно делает. Мне же нужно не только уметь вкусно готовить, но и управлять людьми. Объяснять необходимость тех действий, которые они не понимают. Вот он и смотрит, как я справлюсь.

– Вот ты почему пришёл к Робину в Шервудский лес? –

вопросом на вопрос ответила я. – Не знаю твоего имени.

– Я Петер из Локсли, – то, что он отвечал на мои вопросы, уже хорошо. Значит, пошёл на контакт, и ему действительно интересно узнать, а не просто возражать из чувства противоречия. – Я пришёл потому, что налоги задушили.

– Тебе было плохо, – он кивнул. – А семья у тебя есть? Он мотает головой.

– Вот видишь, тебе было плохо из-за того, что ты не мог платить налоги и тебя ничего не держало в Локсли. У тех, кого вы хотите ограбить, тоже нет денег на налоги, но бросить всё и уйти к вам они не могут. По разным причинам. У одних семья, другие побаиваются. Чтобы стать разбойником, нужна смелость.

Петер распрямил плечи и даже, как будто стал выше ростом. Я оглянулась и увидела, что меня слушают и другие.

– Вместо того, чтобы обворовывать бедных крестьян, лучше грабить богатых. Частью денег поделитесь с бедняками, и они всегда помогут вам во всём, – закончила я свою пламенную речь.

Жаль, что овации не в ходу в Средневековье. Но, видимо, я их не заслужила, только непонимающие взгляды были мне ответом.

Робин изо всех сил сдерживал смех. Ну что ж, я в лепёшку разобьюсь, но объясню, почему им выгодно грабить только богатых.

Баллада четырнадцатая о том, как я дождалась решения Робина Гуда

Ребята из вольного братства не поняли моего порыва. Давно готовилась к этому разговору, подбирала аргументы «за» и «против», в своём воображении легко парировала выкрики из толпы. Реальность оказалась пожестче моего воображения.

– Чем нам могут помочь бедняки? – крикнул кто-то из вольных стрелков.

– Много чем, просто вы не видите своей выгоды, – оседлала я любимого конька. – Вы ограбили йомена и что получили? Пучок лука и три яйца?

Кто-то засмеялся, остальные хмуро смотрели на меня.

– Посмотрите на это с другой стороны. Крестьяне платят налоги, после уплаты которых у них остаётся этот самый пучок лука и три яйца. Что он думает о вас?

– Какая нам разница, кто и что о нас думает? – слышу я выкрики из толпы, и они вполне ожидаемы.

– Он считает кровопийцами не тех, кто отобрал последние деньги, а вас, кто забрал последнее яйцо и кормить детей стало нечем, – убеждаю разбойников я. – И когда он узнает, что шериф платит за ваши головы звонкой монетой, он тут же выдаст всех с потрохами.

Кто бы мне сказал, что я буду первой коммунисткой в Англии, да ещё средневековой, я бы рассмеялась ему в лицо. Но вот вещаю, как вождь мирового пролетариата о том, что низы не могут жить по-старому.

– Том, готовишь ты пальчики оближешь, – сказал мне кто-то из компании Робина Гуда. – Вот и занимайся этим. Взрослые дяденьки без тебя всё решат.

Ага, видела я, как решают взрослые дяденьки. Если он и хотел меня обидеть, то я не дам такой возможности. Проще говоря, меня такими речами не заткнёшь.

В моей голове уже начинает складываться пазл, куда я попала. Не лучшее место. Наша история была милосердна к бедной Англии. Здесь же все – от герцога до последнего крестьянина платят двойные, а то и тройные налоги. Они уже привыкли к этому. Кого разорили и кому не осталось ради кого жить, идут к Робину в Шервудский лес. Но таких смельчаков мало.

Бросила взгляд в сторону Робина, он сидит и пьёт мою кларею. Компот им, что ли, на обед сварить? Где-то здесь я видела дикую вишню и куст малины с крупными ягодами. Отличный компот получится.

– Другое дело, если вы дадите этому крестьянину на уплату налога, да он, если услышит о том, что намечается очистительный поход в Шервуд, и вас предупредит, и спрячет, если понадобится, и солдат на ложный след наведёт. Помощь обездоленным не так бескорыстна, как вам кажется.

На сей раз замолчали все. Кто мог думать – думал, остальные ждали, что скажут те, которые обладали возможностью мыслить.

– Робин, а ты чего молчишь? – услышала я возгласы из толпы.

– Я не молчу, а внимательно слушаю. В словах Тома есть зерно истины. Мы попробуем поменять тактику, – Робин Гуд был предельно серьёзен. – Пока Том так зажигательно с вами разговаривал, мне пришла одна идея в голову.

Никто не посмел перебить Робина вопросом. Дисциплина в братстве была железная.

– Предлагаю вернуть Тома в Ноттингем. Что скажете? – вокруг раздались одобрителльные возгласы.

А меня словно в прорубь швырнули. Слёзы наворачиваются на глаза, но плакать нельзя. Всё-таки он решил от меня избавиться. Конечно, от меня сплошные проблемы. И кто меня за язык дёргал? Сидела бы и молчала в тряпочку. Так нет, решила показать, что самая умная, а мужчины не любят слишком умных и стараются от них избавиться.

– Том настолько вкусно готовит, что вряд ли даже королевские повара смогут также, – толпа затихла, пока Робин говорит. Не устаю восхищаться тем, как Робину удалось из разношёрстной публики сколотить военную организацию.

– Робин, так, может, не надо его в Ноттингем? – робко поинтересовались из толпы. – Пусть лучше нам здесь готовит. Мы давно уже вкусно не ели.

– Твоя голова, Вилли, всегда недорого стоила, – сказал Робин, и все рассмеялись, – потому, что в ней никогда не было мозгов.

Толпа, а сейчас это была толпа, а не воины, как по команде загоготала.

– У Вилли и правда самая лёгкая голова. Да сколько раз он проваливал задание. Недаром же его прозвали Дурнем Вилли, – слышала я отовсюду.

Робин только взглянул на них, гогот сразу затих, на поляне наступила мёртвая тишина. Даже птицы испуганно стихли.

– У Тома будет особая миссия в Ноттингеме, – проговорил Робин. – Важная и очень опасная. Многим из нас придётся ему помогать.

Одобрительный рокот был подтверждением тому, что Робина слышали. Стопроцентный результат при полной явке избирателей. Такую бы поддержку нашим политическим лидерам, какая здесь у главаря разбойников.

– Вилли, почему твоя десятка ещё здесь? С самого утра по старой дороге ездят бесплатно, – Робин сурово посмотрел на старшего, и десяток человек испарился с поляны быстрее, чем я моргнула.

Робин кивнул мне на бревно.

– Маленький Джон, сегодня ты приготовишь обед, – Джон открыл уж было рот возразить, как Робин добавил. – Надо с Томом обсудить его миссию в Ноттингеме.

Джон захлопнул рот и разогнал всех разбойников в караул на лесные тропы, чтобы ни одна мышь не проскользнула без бдительного ока вольного братства Шервуда.

На поляне осталось трое – Маленький Джон, я и Робин Гуд.

– Ты послана мне небом, Эмма, – такое начало разговора мне совсем не понравилось. Робин красивый мужчина, сексуально притягательный для меня, но я не собираюсь создавать семью в этом мире.

Моя семья осталась там, куда теперь мне хода нет.

Баллада пятнадцатая о том, как мы встретили рыцаря Алана Э-Дейла

Что ещё придумал Робин? Чувствую, что мои мысли он переложил на свой лад. Не попаду ли я в незапланированные неприятности, как в кур во щи?

– Послушай, Эмма, – опять произнёс моё имя Робин.

Ему что, нравится называть меня по имени? Тревожный симптом. Что-то часто я стала опасаться чувств Робина, неужели где-то в глубине души всё же хочу, чтобы он обратил на меня внимание как на женщину.

– Мне нужен свой человек в Ноттингеме, – разочаровал меня он. – Чтобы были глаза и уши.

Я всегда была честна с собой. Лгать можно кому угодно, но только не самой себе. И сейчас я не стала избегать мысли, что мне неприятно. Неприятно, что Робин вместо чувств заговорил о... работе. Ну, да грабёж – это его работа.

– Ты хочешь грабить дома богачей? – удивилась я размаху его деятельности.

– Зачем? – теперь поражённо посмотрел на меня Робин.

Кажется, я переоценила средневековые понятия о прибыли.

– Ну, ты сам сказал, что я буду твоими глазами и ушами в Ноттингеме. Я и подумала, что тебе нужно собрать сведения

о самых многообещающих в плане грабежа домах.

Робин Гуд прислонился к стволу дуба и закрыл глаза. О чём он думает? Но точно не о том, какая я умная.

– Эмма, ты меня с ума сведёшь, – наконец-то устало говорит он. А я-то думала, что сведу его с ума совершенно в другом. Р-р-разочарование...

– В Ноттингеме, как и в любом другом городе, есть свои воры, – объяснил он мне, словно это создаёт какие-то препятствия для масштабирования бизнеса.

Да, Эмма, докатилась ты! Обучаешь, как создать гильдию воров в Ноттингеме.

Насколько я помню, в это время в Англии не было гильдий не только воров, но и торговцев, и производителей. Их создали намного позже. Или в этом вопросе снова всё пошло не так?

– Робин, что, прямо у воришек Ноттингема есть гильдия? – решила я задать мучавший меня вопрос.

– Что за ерунду ты несёшь?

Я и сама уже подумала, что несу бред. Я сейчас пытаюсь внедрить в Средневековой Англии не больше, не меньше, а мафиозный синдикат по типу Коза Ностры.

Сначала я подумала отдать управление Робину, а потом, что роль крёстной мамы мне будет к лицу.

Чтобы открыть трактир, мне не понадобится даже лицензия. В то время любой желающий мог открыть трактир и продавать там эль.

Но никто не сообразил, что это самое лучшее прикрытие для криминальной деятельности. И я так и сделаю, как только попаду в Ноттингем. Сначала заведу нужные связи, а уж потом развернусь так, что мало не покажется.

Послушай, Эмма, лучше остановись, одёрнула я сама себя. Размечталась! Не стоит тащить в этот мир всякую гадость из своего.

Самое страшное, что это не мечта, а цель. И сделать мне это проще пареной репы. Вот только надо ли?

До того, как я всё-таки отправлюсь в Ноттингем открывать трактир, нужно обдумать свою криминальную карьеру. Может, действительно, раз судьба свела меня с Робинот Гудом, стать его путеводной звездой. Сделать из обычного разбойника не просто легенду, а настоящего мафиозо.

К счастью, ответить на вопрос Робина мне не дал Дурень Вилли, вернувшийся с римского тракта. Он вёл под уздцы вороного коня с восседающим на нём рыцарем.

– Робин, это сэр Алан Э-Дейл, – торжественно сказал разбойник, подтягивая штаны. При этом вид у него был комичный. Я еле удержалась, чтобы не рассмеяться.

– Зачем ты притащил его, Вилли? – сурово спросил Робин. – Тебе нужно было просто обобрат парня и отправить на все четыре стороны. А вместо этого ты тащишь его сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.